

ЕЛЕНА
ГРАМЕНИЦКАЯ

Хроники Торнбери

16+

Елена Владимировна Граменицкая
Хроники Торнбери
Серия «Авторская серия
Елены Граменицкой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63438251

SelfPub; 2020

Аннотация

Недалекое будущее. В руки юной Мари попадает дневник бабушки Элен, прочитав который, девушка узнает необычные подробности её нежной и трогательной истории любви. Нечаянная встреча с таинственной цыганкой навсегда изменяет жизнь Елены. Ей предстоит перенестись из Москвы 2009 года в Англию начала XIX века, обрести любовь, бороться за жизнь, вступить в схватку со злом и потерять возлюбленного, чтобы вновь встретить его через двести лет, уже в настоящем времени.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	51
Глава 5	72
Глава 6	85
Глава 7	91
Глава 8	99
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Елена Граменицкая

Хроника Торнбери

Предисловие

Мари. Недалекое будущее

Мари вышла из комнаты бабушки в полном недоумении, не понимая, что могла означать неожиданная перемена в ее настроении.

Старушка ожила, воспарила духом, взбодрилась. На до-толе бледных пергаментных щеках играл легкий румянец, а глаза радостно искрились. Бабушка выглядела посвежевшей и энергичной, – увлеченной какой-то неизвестной идеей, стремлением что-то изменить, пока еще не поздно. Но сия тайна пряталась в ускользающем взгляде мутноватых глаз, за сосредоточенным выражением лица и за легкой улыбкой. Лишь порывистые движения и дрожание маленьких сухоньких рук выдавали скрываемое волнение и заставляли сидящую на краешке кресла Мари внимательно следить за хаотичными передвижениями старушки по спальне.

– Ба, что-то с тобой сегодня не так. Плохой сон?

Старая дама бросила на внучку быстрый взгляд из-под полумесяца очков, мягко улыбнулась и предпочла промолчать. Сейчас она приводила в порядок небольшой письменный

стол у окна. Неловкое движение дрожащих рук – и небольшая фарфоровая кошка, капризно изогнувшая хвост, безвозвратно почилла бы в грудe осколков, если бы не подоспевшая Мари. Она подхватила изящную безделицу прямо у пола. А бабушка, казалось, ничего не заметила.

Разум старушки, которой шел восемьдесят восьмой год, никогда не вызывал сомнений в своей ясности, и это отличало ее от многочисленных ровесниц, уже пребывающих в столь преклонном возрасте в блаженном состоянии перехода к младенчеству.

Достижения медицины и эстетической косметологии в последние десятилетия способны были творить чудеса, но бабушка не пользовалась новинками для исправления неминуемых следов времени, она обходилась витаминами и приговаривала: «Сколько мне отмерено свыше – столько и проживу».

Мари очень любила леди Элен. Сейчас девушка с болью осознала: время неумолимо идет вперед, нет, оно уже бежит вприпрыжку и отсчитывает последние годы ее любимой бабушки.

После смерти сэра Коллинза прошла целая неделя. Дядя Майкл, сводный брат мамы, взял на себя организацию похорон и поминаения. Дедушку захоронили среди своих многочисленных предков в фамильном склепе в поместье Торнбери, в графстве Кент. Майкл, закоренелый оптимист и вечный философ, на этот раз с нескрываемым волнением по-

кидал часовню после отпевания тела отца. Осознавая бренность всего сущего на Земле, с грустью понимая, что и сам когда-то пройдет тем же путем и навсегда присоединится к древнему роду.

Мари очень переживала за бабушку. Страшно представить, что чувствует женщина, потерявшая своего верного спутника, свою единственную любовь. Поведение Элен в последнее время вызывало опасения у Мари и удивляло ее. Казалось, старенькая дама намеренно не осознает происходящего. Она отказалась присутствовать на похоронах и осталась в лондонском доме, заявив, что желает запомнить мужа живым. Ей легче представить, что любимый не умер, а на время уехал и должен скоро вернуться? Как знать...

Она не пролила ни слезинки (или Мари не видела, как она горюет?), на ее лице не было заметно признаков страдания.

«Леди Элен Коллинз, как истинная аристократка, держится из последних сил, не может проявить слабости» – таков был вердикт родных. Мари с ним была согласна лишь отчасти.

Она знала бабушку лучше других, выросла на ее заботливых руках, поэтому чувствовала: горе старой женщины не имеет границ, но оно скрыто в ее душе от посторонних глаз. Скрыто намеренно.

Мари первой заметила перемену, произошедшую вчера с леди Элен.

Старушка вышла из состояния ступора и начала активно готовиться к отъезду в запланированное путешествие в Аквитанию, в любимый отель «Дю Пале». Захотела вновь «подышать океаном».

В годы молодости, а потом и в зрелости она и сэр Коллинз любили бродить по просторным, бесконечным, вылизанным прибоем пляжам и слушать вечный зов бескрайнего океана.

Давно запланированной поездке так и не суждено было состояться. Дедушка отошел во сне, когда до их отъезда оставалось всего несколько недель.

Мари оставила Элен за укладкой немногочисленных вещей и намеревалась забронировать второй билет на материк для себя. В последнем путешествии оставить бабулю нельзя.

Но билетом она займется позже – поменять имя пассажира не представляло труда, а сейчас есть более интересное и важное занятие. Мари не терпелось прочесть небольшую тетрадь с записями, что передала ей бабушка. Она задержала Мари на пороге, внимательно и требовательно заглянула в глаза, словно пыталась донести всю важность просьбы, и добавила дрогнувшим голосом:

– Мари, деточка, прочесть это необходимо сегодня, не откладывая... пожалуйста.

В этом заключалась вторая и главная странность, больше всего насторожившая Мари.

«С бабушкой случилась беда», – решила Мари. Переме-

на к лучшему, обрадовавшая девушку, уже не выглядит обнадеживающей. Элен перевозбуждена, неестественно бодрa, взволнована по неизвестной пока причине. Вербальные признаки выдают крайнюю степень душевного напряжения. Состояние можно охарактеризовать как тревожно-мнительное, до навязчивого синдрома еще далеко, но патология может быстро прогрессировать. Черт побери, как она, врач, пропустила признаки старческого маразма?

И в продолжение сюрпризов – неожиданная и весьма странная просьба прочесть тетрадь именно сегодня. Сегодня? Почему?

Безусловно, она выполнит желание бабушки. Мари отложит поездку на семинар, который она проводит для студентов первого курса университетской клиники.

«Ничего страшного, сейчас свяжусь с Шерри, и она подменит. Главное – моя не устающая удивлять бабуля... Надо уговорить ее пройти обследование, пока не стало совсем поздно», – размышляла Мари, поднимаясь в свою комнату.

В руках она держала пожелтевшую от времени тетрадь, исписанную мелкой вязью – аккуратным бабушкиным почерком.

Удобно расположившись на широком диване, занимающем почти половину спальни, Мари осторожно раскрыла старый дневник. Опасаясь, что ветхие странички разлетятся во все стороны от сквозняка, прикрыла фрамугу. Пробежав

глазами несколько строк, поняла: дневник начат в середине лета 2009 года, пятьдесят четыре года тому назад. У девушки перехватило дыхание от волнения – сколько лет минуло! Бабушка сделала первые записи задолго до того, как Мари Коллинз появилась на свет.

Первое время было непривычно воспринимать написанные от руки строки – уже полвека как весь мир перешел на сохранение и использование информации на цифровых носителях. Редко кто читал старинные книги и тем более писал от руки. Удобно и привычно доверять свои мысли плате персонального компьютера, прекрасно справляющегося с ролью друга, компаньона, советчика, жилетки для утешения страданий и соавтора по созданию злобных пасквилей или блогов. Всего понемногу, каждому по потребностям. Однако Мари довольно быстро привыкла к витиеватому почерку бабушки и погрузилась в удивительную историю, не веря ни единому написанному слову.

Глава 1

Берегись цыган!

- Куда мне отсюда идти?
- А куда ты хочешь попасть?
- А мне все равно, только бы попасть куда-нибудь.
- Тогда все равно, куда идти. Куда-нибудь ты обязательно попадешь.

Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране чудес»

Сегодня 20 июня 2009 года. Только что по пути на работу я встретила трехпалого человека, на обеих руках которого средние и безымянные пальцы срослись в безобразные клешни, обрубки с торчащими кусочками ногтей. Мужчина-краб был немолод, одет, как большинство торопящихся по делам москвичей, в светлую тенниску и джинсы. Я невольно подумала тогда: «Ему удалось с поразительным уродством прожить почти всю жизнь, будучи одним из бесчисленных звеньев искореженной генетической цепочки, возможно, даже встретить любимую женщину и создать семью, вырастить детей, лишенных злосчастной хромосомы... Чудны творения Твои... Порой боги скучают и изволят шутить...»

Пора начать... и вспомнить, восстановить по крупицам все детали невозможного происшествия, фантастической истории, что случилась со мной. Время остановилось памятным днем 20 мая 2009-го. Произошедшее на веки вечные сохранится в памяти, а пока же я хочу доверить бумаге детали и описать хронологию событий. Душевная боль и страдания вновь переполняют сердце, стоит воспоминаниям вернуться. Возможно, шаг за шагом я передам часть переживаний дневнику, оставлю боль на кончике пера, и мне станет немного легче. Надеюсь на это.

Пора начать.

20 мая 2009 г.

Сегодня очередная годовщина моего расставания с Вадимом, последним любимым человеком, близким другом – именно таковым я его считала долгое время. Этот день ознаменовался головной болью с самого утра. Погода за окном намеревалась испортиться, и кровеносные сосуды в голове не замедлили об этом сообщить.

Итак, день не задался. Сегодня среда, но на работу я не пошла. Воспользовавшись плохим самочувствием, позвонила и отпросилась. Стоило подумать, что целый день будет теперь в моем полном распоряжении, как настроение начало

улучшаться, головная боль утихла. Скорее от положительно-го настроения, чем от крепкого кофе и таблетки аспирина.

Да и погода постепенно налаживалась. Тучки, вызвавшие мигрень, разбежались, через них просматривались радостные клочки голубого неба и поблескивало солнышко.

Тогда и пришла ко мне идея прогуляться в Покровское-Стрешнево, к роднику с необыкновенно вкусной и живительной водой, известному на всю Москву. Заодно проветрить несчастную голову на свежем воздухе.

Кто знал, что неожиданное решение послужит прологом чрезвычайно странной истории?

«Сколько может умирать любовь? – думала я, идя по тропинке от родника в сопровождении местных жителей, обвешанных бутылками и флягами, заполненными родниковой водой. – Сколько ей отмерено? Сколько приходится на одну человеческую душу миллилитров слез, количества вдохов и стенаний, и когда мы можем точно утверждать, что любовь прошла и мы *свободны*? Каждому из нас отмерен свой срок, не более и не менее; путь индивидуального искупления – не дольше и не короче. Каждому – свое, “Jedem – das Seine” – слова, навеки запечатленные на воротах лагеря смерти. За-стенки несчастной любви ничем не лучше.

Почему мы с упорством маньяка продолжаем истязать себя, мучить пустой надеждой на возвращение сладостных мгновений, почему не позволяем себе выйти на свободу, со-

греться под лучами солнца и воскликнуть: “О жизнь! Ты прекрасна и удивительна!”

И мир не сошелся клином вокруг одного-единственного человека, он не является центром вселенной!»

Четыре года назад ночь на 21 мая изменила мою жизнь абсолютно. Это была самая длинная и самая грустная ночь в моей жизни, когда я по собственной глупости и безответственности потеряла близких людей.

Это была классическая сцена из пошлейшего анекдота: «Приходит домой муж/жена, а там...» Это сейчас, спустя время, она способна вызывать у меня саркастическую усмешку. Тогда же мир перевернулся с ног на голову и потерял краски. С того момента я поняла: никогда не говори «никогда».

Я никогда не буду любить женатого мужчину. Я никогда не полюблю мужа подруги, это как минимум подло, по меньшей мере – безнадежно!

Но разве я Господь Бог?

И все было решено в тот же миг, когда судьба решила пошутить и познакомила меня с Вадимом. Уже после первой встречи, после мимолетного погружения в глаза медового цвета, односекундного, одномоментного, я подписала себе смертный приговор. Он был приведен в исполнение по всем законам классического адюльтера. После той страшной ночи – аутодафе, – не стесняясь показать слезы ложного рас-

каiania, Вадим навсегда исчез из моей жизни. И за четыре года ни разу мне не встретился. Даже случайно, хотя наши дома продолжали стоять по соседству. Чудеса, да и только!

Мне казалось, что после 21 мая 2005 года мы начали жить в параллельных, не пересекаемых мирах и поэтому не могли видеть друг друга. Только сейчас я понимаю, что судьба оберегала меня, а тогда я проклинала ее, обвиняя в несправедливости и суровости наказания. Но все проходит...

Четыре года агонии по ниспадающей кривой, с каждым годом реже приступы, ниже уровень боли. Скоро, скоро успокоение. Уже забрезжил свет в конце туннеля, уже полуоткрыта дверь клетки, уже заказан билет в новую жизнь. Больной уверенно идет на поправку и покорно благодарит Всевышнего за урок и наказание. И обещает больше никогда (ой, Господи, прости, сорвалось!) не хулиганить. Только не делайте мне больно!

О чем я еще думала, идя по дорожке и попивая прохладную родниковую воду?

О том, что полностью искупила свою вину, что долго страдала. Не собираясь разбивать чужую семью, по иронии судьбы уничтожила собственную и оставила дочку без отца.

Андрей не выдержал двойного предательства со стороны жены и лучшего друга, ушел и ныне пытается построить новую ячейку общества. Я далека от того, чтобы отслеживать его попытки, пожелала удачи и постаралась более не беспо-

коить.

Я думала тогда, что начинаю чувствовать себя свободной и срок заключения подходит к логическому завершению. Билет в новую жизнь лежал у меня в кармане и вселял надежду на то, что со временем все наладится. Надо в это верить!

И еще я помню, что от всей души, измученной раскаянием, иссушенной слезами, истерзанной сомнениями, но потихоньку оживающей, пробуждающейся к новой жизни, попросила у судьбы еще один последний шанс!

МОЙ!

Именно так прозвучало мысленное пожелание, как вдруг...

– Тетя красивая, подожди, дай на шоколадку! – послышался тоненький детский голосок. Меня потянули за край футболки.

Вздрогнув от неожиданности, я обернулась и увидела стоящего за спиной маленького чумазого цыганенка. Паренек, одетый в красную ветровку – огромную, на вырост, – вцепился в меня намертво. Мало того, к нам приближалась полная молодая женщина в развевающихся, словно крылья мотылька, юбках.

– Господи, только не это! Только цыган не хватало на мою больную голову! – ужаснулась я и, оторвав от себя маленькие

наглые пальцы, приготовилась быстрее удалиться, но... не тут-то было.

Мальчик перехватил руку, вновь вцепился в футболку и потянул к себе.

– Девушка-красавица! Подожди, моя хорошая! Богом клянусь, ничего дурного не скажу, правду открою! Денег не попрошу! Давно за тобой идем, важное сказать что-то есть,

– затараторила подоспевшая цыганка.

Я знала: надо бежать куда глаза глядят. В любом случае, что бы она мне ни обещала, голову задурит и оставит без гроша в кармане!

Пока я размышляла, подоспел любопытный чертик и зашептал на ухо: «Почему бы не рискнуть? Хотя бы один раз... Попробуй! Возможно, на тебя ее гипноз и не подействует, главное, помни о трех “да” и трижды не согласишься. Все просто...»

Проходившие мимо молодые люди остановились, спрашивая, нужна ли мне помощь, но я отрицательно мотнула головой и улыбнулась:

– Все нормально, я контролирую ситуацию.

Ага, контролирую... Слово еще такое придумала...

– Послушай, вижу, боишься меня. Напрасно. Зла не принесу, только правду скажу. Вот тебе первая правда – обидел тебя один человек, сильно обидел, душу и сердце твое на клочки порвал и в землю втоптал. Хотя давно это было, но ты до сих пор болеешь... Да?

Я предусмотрительно молчала, а гитана дерзко сверлила меня глазами.

«Ну... Это утверждение с большим полем допуска. Почти каждая из нас когда-то пострадала, была предана и пережила потерю любимого человека», – думала я. Первое «да» не сработало.

Цыганка улыбнулась и прищурила карие, налитые солнцем очи.

– Только ты не думай о нем, девушка, забудь! Я знаю, и ты знай: не будет Вадиму счастья ни сейчас, ни потом. Да?

Мне стало не по себе.

– Да... А откуда...?

– Что? Откуда имя знаю? Да оно у тебя на лбу червонными буквами написано. – И звонко рассмеялась.

Мне было не до смеха.

– И вот что скажу тебе: скоро совсем его забудешь. Ждет тебя дорога дальняя и дюже путаная.

– Дорога куда?

– А дорога та домой ведет...

– Почему дальняя? Мне до дома минут двадцать, от силы тридцать пешком.

– Это ты так думаешь, золотая моя! Тридцать минут – что десять часов, что сто дней... все одно.

Я перестала понимать, о чем речь, и хотела уже уйти, но женщина, нахмурившись, взяла меня за руку и погрузилась в чтение линий:

– Подожди, красавица... Бог – трижды отец, пресвятая мать... Тьфу-тьфу-тьфу...

Цыганка, вытерев губы, начала бормотать себе под нос на непонятном гортанном наречии. Несколько раз она поднимала на меня удивленные глаза и вновь принималась водить пальцами, унизанными бесчисленными дешевыми перстнями, по линиям ладони.

Странное ощущение мелькнуло в голове. Будто я сижу в кабинете врача и жду оглашения важного диагноза. Если не считать, что происходящее является абсолютным бредом.

– Да, золотая, не зря Ромик за тобой побежал. Есть у меня правда, и не одна. Целых три правды, и каждая твоя, только какую выберешь? Первая: говоришь, тридцать минут до дома – так поворачивай назад, иди, не сворачивая, не оглядываясь, только в конце останешься ни с чем, одна, в холодном пустом доме. Да?

– Ну, допустим...

– Вторая: десять часов – вернешься домой, но жизнь пройдет не твоя, чужая, спокойно и скучно, голодной не будешь, замуж снова выйдешь, да только сердце твое все равно здесь со мной на тропе останется, потому что будет еще и... Третья правда... Пока даже мне до конца неведомая, но дорога к ней долгая, ох, долгая. И путаная. Красивая и опасная тропа поведет тебя к ней, вижу на ней цветы белые и болезнь, твою ли – не ведаю. Вижу любовь благородного человека и возможную смерть... его ли? Нет, закрыт он от беды.

И не твою – это точно. Вижу Змея-демона, поднявшегося из преисподней, хлопоты его злые вижу как на ладони. Домой Кольцо направит, но зло за ним, как ниточка за иголочкой, потянется... Через портрет в Дом попадешь. И навсегда там останешься, счастливой. Но только когда Лев превратится в робкого Агнца, а Змей укусит себя за хвост и сожрет. Все... Ничего более не скажу... – Цыганка отпустила мою вспотевшую от волнения руку. Взглянула исподлобья: – Что выберешь, Елена? Да не бойся ты меня! Если я чужое имя прочла, неужели твое не узнала бы? Так каким путем домой пойдем? Последним? *Да?* – повторила она свой странный вопрос, зацепившись взглядом.

От неожиданности мои мысли разбежались подобно разноцветным стеклянным шарикам, собрать их воедино, казалось, нереально.

Так-так-так...

Главное, придерживаться логичной составляющей происходящего. Только где она?

Я вздохнула, пытаюсь сосредоточиться, и ответила:

– Да. Хотя я вас совершенно не поняла... извините. Скажу одно: я очень хочу быть счастливой!

«Что я несу? Кто она мне? Какое ей дело до моих „хочу“?»

Цыганка отступила на шаг, придирчиво смерила меня взглядом, словно снимала мерку для пошива. Она казалась чересчур серьезной для столь комичной ситуации.

– Вот и ладненько, моя хорошая. Вот и правильно. Ты за-

служиваешь счастья, только, когда в руки солнце упадет, не обожгись, не вырони! А пока поблагодари меня за слова добрые, позолоти ручку, да и Ромику на конфеты дать не забудь. Он тебя приметил!

Я незамедлительно достала из сумки кошельки и, вытащив из него все наличные деньги – около пяти тысяч рублей бумажками и мелочью, отдала улыбающейся шарлатанке. Как само собой разумеющееся.

– Это все, что у меня есть, возьмите себе и ребенку... и спасибо вам.

– Бог спасет, девушка. На все воля Божья, хорошая моя, положишься на него и иди вперед, иди вперед... Иди, милая. Иди куда шла...

Цыганке удалось меня заморозить. Я послушно отвернулась от нее и бодрым шагом направилась по дорожке, ведущей в глубь парка. И лишь несколько мгновений спустя оглянулась назад. Нет, гитана не исчезла, не растворилась в воздухе, она стояла на том самом месте, держа чумазого ребенка за руку, и почему-то грустно смотрела мне вслед.

С глаз словно пелена упала.

«Дура набитая! Попалась на удочку. Осталась без денег. Хотя... было весело и... удивительно. Откуда она узнала мое имя и имя Вадима? И сколько раз я произнесла “Да”? Но как понять ее слова – “сто дней до дома”? “Лев укусит Агнца”, “Змея съест свой хвост...” “Все наоборот – Лев превратится в ягненка...” полная чушь... Бред какой-то...»

Глава 2

Провал в Кроличью Нору

Меня обгоняли смеющиеся дети, катающиеся на роликовых коньках, мамочки с колясками и даже пенсионеры, гуляющие по парку под ручку. Я шла медленно, полностью погружившись в свои мысли. Это был обычный и многократно хоженный маршрут.

«Немного проветрюсь, а на обратном пути куплю у метро диск с мелодрамой и устрою себе вечерний просмотр. Стоп! Ты забыла, что осталась без копейки?»

Несмотря на пустой кошелек, настроение мое не ухудшилось. Нет денег – так нет... какая теперь разница. Чудной день...

Постепенно я углубилась в тенистые аллеи парка.

Как все началось – точно уже не помню. Мое подсознание принялось отчаянно сигналить: что-то не так, что-то меняется. Родилась тревога. Оглядевшись, я заметила, что иду по дорожке совсем одна – ни велосипедистов, ни катающихся на роликах детей, ни молодых мам, ни одной человеческой души. Страх, леденящий ужас: я осталась одна

на Земле, все умерли, исчезли – сковал меня. Сердце отчаянно забилося. Но продлилось это странное чувство недолго, всего несколько мгновений. Я услышала детский смех с ближайшей игровой площадки и облегченно вздохнула. Тем не менее ощущение тревоги не отпускало. Добавился запах, сладкий, дурманящий. Нотки свежего весеннего аромата белых цветов перебивал тягуче-приторный дух курящихся благовоний, восточных специй. Странная смесь ванили, имбиря, корицы, и вдруг внезапно вкравшийся запах разогретой солнцем скошенной травы. Чувства обострились, невыносимый аромат путал мысли. Появился неприятный нарастающий звон в ушах, тонкий, подобный скрежету металла по стеклу, пронизывающий до костей, вызывающий невольную омерзительную дрожь.

Я почувствовала каждую клеточку собственной кожи. Она, подобно губке, начала жадно впитывать в себя струящийся странный запах. В одно мгновение воздух вокруг сгустился, окружив меня непроницаемым душистым панцирем, в глазах разом потемнело, и на секунду-другую я потеряла связь с реальностью.

Пришла в себя уже сидя на земле, вся мокрая от липкого холодного пота. Я дрожала как осиновый лист и была испугана до полусмерти.

Первая мысль – был ли кто невольным свидетелем моего падения? – заставила оглядеться.

Никого.

«Не надо было слушать гадалку, ее чары опасны для здоровья».

Постепенно восстановилось дыхание, утихла дрожь, и я с трудом встала на ноги. Голова кружилась, подташнивало. Что же случилось?

Я вновь посмотрела по сторонам. Странно. Ни одной человеческой души.

Осознание того, что вокруг все изменилось, приобрело невиданные размеры и обрушилось со всей мощью новой обретенной реальности.

Мир восприятия стал другим. Зрение подтверждало, что я одна, обоняние сходило с ума от незнакомых запахов, и лишь осязание не давало мне потерять контроль и удариться в панику. Какое-то время я еще сжимала пластиковую бутылку с прохладной родниковой водой. Но нарастающая паника лишила меня сил, рука невольно разжалась, бутылка с глухим звуком упала на землю и медленно откатилась в сторону. Я проводила ее взглядом.

Куда-то исчезла асфальтовая дорога. Я стояла на широкой лесной просеке. По земле шел петляющий след от колес, довольно узкий и глубокий, испещренный серповидными вмятинами копыт.

Странно...

Не знала, что в Покровке занимаются выездкой.

Парк уже не тот. Вокруг меня красовались янтарные

сосны, окруженные островками разлапистого папоротника. Сквозь их величественные, устремленные ввысь стволы пробивался теплый солнечный свет. Куда девались липы и ясени? И откуда идет дурманящий сладкий запах? Оглядевшись, увидела недалеко от дороги, в низине, неизвестный кустарник, сплошь усыпанный пышными белыми гроздьями. Любопытство возобладало, я осторожно спустилась с насыпи. Боярышник. Нагнула роскошную гроздь, чтобы вдохнуть аромат... И вдруг послышался стук копыт.

Всадники?

Двое облаченных в старомодные сюртуки мужчин показались из-за поворота лесной дороги и быстро приближались.

Я поспешила укрыться за колючим кустом, чувствуя, как вновь надвигается паника и полное непонимание происходящего. Продолжала цепляться за соломинку, полагая, что задумалась, свернула на нехоженую тропу и попала в сосновый лес. Но память и логика подсказывали: не было протяженной сосновой посадки в Покровском-Стрешнево!

И все равно упрямый разум пытался спастись и подкидывал новые идеи и подходящие объяснения.

Всадники могут быть ряжеными. Обычными актерами! Точно! Рядом снимают кино? Я с надеждой поискала глазами оператора со съемочной группой. Увы...

Никого кроме меня и быстро приближающихся людей в странной одежде не было и не могло быть в тот день, 20 мая 2009 года.

Глубоко в душе я осознавала: произошло нечто ужасное, я безвозвратно пропала. Мне было легче считать происходящее сном или галлюцинацией. Поэтому, притаившись за кустом, пытаясь от страха сжаться в точку, исчезнуть, раствориться в воздухе, я изо всех сил зажмурилась и приказала себе проснуться. В голове зазвенело, но ничего не изменилось – «сон» продолжался. Я сидела, скукожившись от страха и с глупой надеждой, что меня никто не увидит и не найдет.

Всадники остановились на дороге как раз напротив куста боярышника. Один из них спешил и осторожно взял в руки лежащую в пыли пластиковую бутылку с водой. Как я ругала себя в этот момент! Но слабая надежда, что мое убежище не будет раскрыто, все еще жила. Я не поднимала головы, боясь смотреть в их сторону, и продолжала мысленно твердить: «Меня не видят, меня никто не видит, сейчас они исчезнут, и все будет хорошо. Я проснусь в своей кроватке».

И тут я услышала:

– Мисс, можно к вам обратиться?

На идеальном английском.

Я онемела.

«Мало того что ряженые, еще и туристы... Сплю... Точно сплю».

– Мисс, спрятавшаяся за кустом, я обращаюсь к вам...

Мое убежище раскрыто. Прочь, паника!

Смирившись с неизбежным конфузом, выпрямилась. Делать нечего... Сидеть, сгорбившись, подобно гоблину, глу-

по. Но меня не покидала уверенность, что все происходящее – сон. Другого объяснения не находилось. Порой случались так называемые многослойные сны, глубокие, долгие и похожие на плотный кокон из различных дополняющих друг друга видений. Вырваться из подобной иллюзии подчас очень сложно, разрушить ее может проявление очень сильной эмоции, такой как страх, удивление или радость. Странно, что удивление и страх пока не позволили мне проснуться. Видимо, сон был действительно крепким, и мало того, он мне явно не принадлежал, я играла в нем придуманную роль марионетки. Кто же был кукловодом, дергающим за ниточки?

– Мисс, это ваша фляга с водой? – продолжал допрос один из всадников.

Ничего не оставалось, как выйти из зарослей и подняться на дорогу.

Молодой человек в запылившемся сюртуке болотного цвета, с взъерошенными от ветра рыжими волосами удивленно смотрел на меня. Второй всадник, оставшийся верхом, также с нескрываемым интересом наблюдал за происходящим. Приятный на вид мужчина в синем камзоле, лет тридцати пяти, с растрепанными темными волосами и с довольно надменным лицом. Лошадь под ним, разгоряченная быстрой ездой, хрипела, гарцевала, рвалась из узды, и он похлопывал ее по шее, успокаивая.

«Станный сон, – подумала я. – Необыкновенно ясный, наполненный звуками и запахами. Обычно это свойственно

созданным, а не навязанным сном. Почему же я не могу взять нить видения в свои руки, почему не получается исчезнуть с этого места, когда это так необходимо?»

Рыжеволосый конопатый незнакомец продолжил разговор, не сводя с меня круглых от изумления глаз:

– Мисс, с вами произошла беда? Ваше платье... простите...

Я не знала, что сказать. Если он мне снится, зачем реагировать?

– Разрешите представиться: Эдуард Мосснер. С кем я имею честь разговаривать?

Я мысленно предприняла еще одну попытку сдвинуть ситуацию, взять ее под контроль, что часто выручало меня в сновидениях. Все напрасно. Молчание становилось подозрительным.

– Елена... – неуверенно ответила я и испугалась собственного голоса. От волнения перехватило дыхание.

– Мисс Элен? Это полное ваше имя? – удивленно вскинув бровь, спросил мужчина, назвавшийся Эдуардом Мосснером.

Не дождавшись пояснений, симпатичный господин продолжал:

– Мисс Элен, позвольте узнать, а как вы попали во владения моего друга, сэра Фитцджеральда Коллинза? – Рыжеволосый обернулся к своему попутчику и улыбнулся.

Я быстро взглянула на всадника, так и не сменившего хо-

лодное и высокомерное выражение лица.

«Какие, к черту, владения? Я совершила большую оплошность, очутившись на чужой земле без приглашения, чем и разозлила неприветливого хозяина?»

— Извините, я... не могу сказать, как очутилась в ваших... землях... — Мой голос становился все неувереннее. — Пожалуйста, скажите мне, где я нахожусь?

«Когда я очнусь? Черт подери! Почему я отвечаю им на английском? Это же сон...»

Рыжеволосый недоверчиво оглядел меня с головы до ног и хитро прищурился:

— С утра это было графство Кент, поместье Торнбери, мисс. Я слышу очень странное произношение, и позвольте спросить: ваше платье... оно где-то осталось? Мисс купались в местном пруду, а потом заблудились? Вы гостя соседей мистера Фитцджеральда, господ Вильямс? Они, полагаю, с ума сходят от волнения, разыскивая вас?

Я слушала его бесконечные вопросы молча. И чем дольше он говорил, тем менее происходящее напоминало иллюзию. Все предметы вокруг — лес, кустарники, дорога, мои собеседники — под пристальным взглядом не меняли первоначальной формы, как бывает свойственно пригрезившимся образам. Они выглядели настоящими, абсолютно реальными. Осязаемыми. Нарушился главный закон сна — герои назвали свои имена без настоящей просьбы. Первыми!

Я поняла, что сил моих хватит только на один, подчиня-

ющийся странной логике вопрос, и постаралась быстрее задать его:

– Скажите, какой сейчас год?

Мой любопытный собеседник осекся и с минуту разглядывал меня, словно умалишенную.

– Мисс, извините, что напоминаю очевидное. Ныне идет 1810 год от Рождества Христова... Вы запомнили?

Эти слова прозвучали подобно пушечному выстрелу. Разум-бедняга отказался служить и подкидывать логичные варианты объяснения происходящего. Новоявленная реальность взорвалась перед глазами и рассыпалась на мельчайшие кусочки; я медленно опустилась на землю, потеряв сознание...

Глава 3

Выпить чаю с Мартовским Зайцем? Легко...

Мелькание света перед глазами вырвало из забытья. Солнечный зайчик бессовестно скакал по лицу. После пробуждения есть несколько драгоценных мгновений абсолютного покоя, расслабленности и неги. Лежа в мягкой постели, я думала: «Какой интересный сон, что бы он означал? Провал в прошлое... Надо поискать в сети». Я машинально следила за ушастым проказником, прыгающим по развевающимся на ветру тонким занавескам из органзы.

«В моей спальне жалюзи!»

Лавина воспоминаний навалилась мгновенно, вызвала невольный крик. Я резко поднялась в кровати и зажала рот рукой, испугавшись, что кто-нибудь услышит безумный вопль. Что происходит? Значит, все правда? Все увиденное не было галлюцинацией?

Огляделась по сторонам. В небольшой комнате, наполненной свежим утренним воздухом и солнцем, я находилась абсолютно одна. Огромная кровать, на которой я сидела, возвышалась над полом, к ней вело несколько застеленных ков-

ровым покрытием ступенек. Над головой колыбался балдахин из тонкого атласа, расшитый золотом и украшенный по бокам свисающими к подножию кровати витыми жгутами с шелковыми кистями. На прикроватном диванчике лежала аккуратно сложенная одежда: джинсовые капри и футболка. Я невольно перевела взгляд на свое тело.

«Меня переодели, но кто? Кружевная сорочка из тончайшего сатина... Я ничего не помню! Что со мной случилось там... в парке? Цыганский гипноз? Теперь я точно знаю, что он существует. Проверено! Где я, черт поде...»

В этот момент послышался скрип открывающейся двери, и белобрысый ангелок в ореоле косичек-крендельков заглянул в комнату.

Мое невольное обращение к врагу рода человеческого повисло в воздухе.

Девочка лет пяти осторожно, на цыпочках, сделала несколько шагов внутрь, замерла, разглядывая притаившуюся на кровати незнакомку, потом озорно хихикнула и, подхватив подол батистового платьяца, вприпрыжку убежала. В коридоре послышался топот маленьких ножек и тоненький радостный голосок:

– Мами, мамии!!

«О господи... Продолжение следует... Сон во сне!..»

Я подождала пару мгновений и решила спуститься с кровати.

Не успела я переодеться в привычную одежду, как раздал-

ся осторожный стук в дверь. В проеме появилось розовощекое лицо молодой женщины в кружевном чепце. По всей видимости, это и была «мами».

Женщина, не скрывая волнения, теребя короткими пухленькими пальчиками кипельно-белый передник, повязанный поверх широкой юбки из муслина, приблизилась ко мне. Низко поклонилась:

– Как чувствует себя мисс? Моя дочка подглядела, что вы проснулись. Хорошо ли спалось? Могу ли я услышать ваше имя? – Она осмелилась взглянуть на меня, потом густо покраснела и перевела взгляд.

– Елена, – прозвучал мой неуверенный ответ.

«Интересно, что именно в моем внешнем виде вызывает такое смущение?»

– Позвольте представиться: Розалинда Бартон, я служу в доме сэра Фитцджеральда с позапрошлой зимы. Надеюсь, вы хорошо выспались, мисс Элен? – На этот раз толстушка широко улыбнулась. На ее румяных щечках появились аппетитные ямочки.

Я молча кивнула в ответ.

Ощущение, что я продолжаю существовать в нереальном мире, меня не покидало...

Молодая женщина, разгладив несуществующие складки на фартуке, продолжала:

– Добро пожаловать в Торнбери, мисс Элен. Вчера по возвращении сэра Коллинза и милейшего Эдуарда мы бы-

ли жутко напуганы вашим состоянием. Мы безуспешно старались привести мисс в чувство, но сознание не возвращалось. И тогда доктор Лукас решил вас не беспокоить и дать хорошенько выспаться. Как вижу, он был прав, наш любезный доктор, мисс взаправду лучше выглядит, не такая бледная, как вчера... Вчера же она поистине как новопреставленная гляделась, ой, прости меня Матерь Божья. – Розалинда быстро перекрестилась, взглянув на притолоку, – словно искала там святой образ.

«Вот болтушка!»

Я еле-еле понимала ее диалект, но общий смысл сказанного был ясен.

Сон продолжается. Сон во сне, со лжепробуждением и наложением новой реальности.

– Мисс Элен. Я должна срочно сообщить доктору, что вы пришли в себя. Он настоятельно просил сразу поставить его в известность. Простите, оставлю вас ненадолго!

С неожиданно изящным для полного тела реверансом Розалинда покинула комнату. В воздухе повис удивительный, волшебный аромат свежееиспеченного хлеба, коричных и маковых булочек, моментально напомнивший мне, что со вчерашнего дня в моем желудке не было ни крошки.

«А если все происходящее не иллюзия или галлюцинация? Слишком уж детальны ощущения».

Я почувствовала, как мои волосы на голове зашевелились, а в желудке образовался мерзкий ледяной ком.

«Нет, этого просто не может быть!»

Странное чувство фатальной обреченности заскребло в душе.

«Может! В следующий раз не протягивай руку гадалкам и не ищущай судьбу выбором пути!»

Я во всех подробностях помнила вчерашние встречи – сначала со словоохотливой цыганкой, потом с Эдуардом Мосснером и его другом, как оказалось, хозяином этого дома, – и ту невероятную информацию, что они мне сообщили. Итак, что случилось со мной вчера во время прогулки по парку на севере Москвы? Я вернулась домой, заснула и до сих пор наслаждаюсь иллюзией? Если это не сон? НЕ СОН!!! Мне пришлось столкнуться с феноменом искривления времени, с Кроличьей Норой? Ну да... Прощай, Алиса! Я сошла с ума.

Если полагать, что слова Эдуарда соответствуют истине и сейчас май 1810 года, то я оказалась в совершенно чуждом для меня месте и эпохе.

Дочка!

Острая боль скрутила тело в клубок.

Я не могу вот так потерять ребенка! Она совсем маленькая и такая ранимая! Да и характер ее последнее время менялся не в лучшую сторону. Мы часто спорили и даже ругались, но я списывала это на наступивший подростковый период, когда птенчики начинают оперяться и пытаются самостоятельно вылететь из гнезда, не научившись элементар-

ным правилам безопасности. Конечно же не лучшим образом на Юле сказалось отсутствие отца – вот уже четыре года, как мы разошлись с Андреем, и он практически не общался с девочкой, списывая на нее все грехи матери.

Она вчера пришла из школы, до вечера вряд ли волновалась, а потом наверняка стала безуспешно разыскивать меня по телефону, уже позвонила бабушке... А у мамы такое слабое сердце!

Я сдала виски, пытаюсь остановить в голове чудовищный круговорот. Сон или явь? Сон или явь?

Стоило представить, как разворачивались события, и волосы уже шевелились от ужаса. Как мама переживет мою потерю? Мысли металась от дочки к маме, и я не знала, как подавить растущее отчаяние. Что они сейчас делают? Сообщили ли уже в милицию? Но вряд ли меня начали искать, милиция будет ждать трех контрольных дней и только тогда нехотя попытается собрать факты. А фактов никаких нет, нет следов, я просто растворилась, исчезла с лица земли.

Но несмотря ни на что, существовала маленькая надежда: если угораздило попасть в прошлое, значит, где-то был проход, и, возможно, он еще существует – скорее всего, на той лесной дороге, около цветущего куста боярышника. Что, если мне незаметно покинуть дом и попытаться найти это место? Если я пропала вчера, то идут только первые сутки и наши доблестные органы еще не начали меня искать, но родные, безусловно, уже сошли с ума от беспокойства. Иди-

отские мысли, не правда ли?

Я машинально бросилась к своей сумке, лежащей на прикроватном диване, и достала мобильный телефон, чтобы... Да-да, меня настигла абсолютно безумная затея: проверить количество пропущенных звонков. Удивительно – аккумулятор еще держался. Экран осветился, и я увидела знакомую заставку и истинное время моей жизни: 12:45, 21 мая 2009 года. Последняя тоненькая ниточка, связывающая меня с прошлой жизнью, оборвется в тот самый момент, когда сядет батарея. То есть уже к вечеру. Я захотела в последний раз посмотреть сохраненные на телефоне фотографии дочери, но не решилась. Это было бы слишком больно, а сейчас надо держаться и из последних сил противостоять надвигающемуся отчаянью и безумию.

«Я должна найти дорогу назад. Эта мысль поможет мне не сойти с ума».

И в этот момент, подобно вспышке молнии, в голове прозвучали пророческие слова гадалки: «Долгая дорога домой, долгая и путаная... Болезнь, цветы... Любовь и смерть... Портрет. Кольцо... Демон...»

– Позвольте, мисс?

В хаос мыслей вкрался тихий голос. В проеме распахнутой двери стоял холеный, плотный телом мужчина лет шестидесяти. Невысокий, лысоватый, широкоплечий, походивший на плотно упакованный конверт. Круглый живот обтя-

гивал атласный, застегнутый доверху блестящий бордовый сюртук, под короткой шеей красовалась «почтовая марка» – шарф-жабо.

Я, не скрывая удивления, разглядывала незнакомца. Короткие смешные штанишки заканчивались на крепких икрах атласными бантами. Ноги колесом, обутые в сверкающие глянцевые ботинки с задранными мысами и громоздкими пряжками, создавали странный диссонанс. Цирковой конференсье в роли почтовой бандероли? Как бы не так. Образ весельчака-клоуна разрушался внимательным, пронизывающим взглядом из-под круглых очков. Ледяным и настоженным. Взглядом любопытного зверя.

– Позвольте представиться, доктор Лукас Фишерли, семейный врач господ Коллинз, к вашим услугам, мисс.

– Елена...

– Прекрасно, мисс Элен, а ваше полное имя? – Доктор склонился к руке для поцелуя. Острые глазки исподлобья внимательно изучали меня.

– Меня зовут... Елена Соколова, я... из... России, – ответила и смутилась, стоило взглянуть на удивленно взлетевшие брови-домики и съехавшие вниз по переносице очки.

«При чем здесь Россия? Скажи еще, из Северного округа Москвы».

Я судорожно пыталась выбрать линию поведения, но безуспешно. Мысли рассыпались подобно разноцветной мозаике в калейдоскопе. Ни одна приходящая на ум идея не имела

под собой реальной основы и безжалостно отвергалась.

– О, мисс Соколофф из России, но это так далеко от нас! Как же вы оказались во владении сэра Фитцджеральда? Вы были, вероятно, приглашены нашими соседями, господами Вильямс, на именины малышки Кетти и случайно заблудились в их парке? Не так ли?

Хорошую идею подкинул мне доктор, но вряд ли я ею воспользуюсь. Слова легко проверить, ложь вскроется, что делает мое шаткое положение и вовсе отчаянным. Но тем не менее надо что-то срочно придумать...

«Амнезия... Конечно! Тут помню – тут не помню. Эврика!»

– Сэр Лукас, я не могу ответить на ваш вопрос, извините. Не имею понятия, как оказалась на земле вашего хозяина, память изменила мне по неизвестной причине. – Я замолчала, робко опустив глаза. Терять мне было нечего.

Доктор поправил окончательно сползшие на кончик носа очки и вздохнул:

– Ничего, бедное дитя, такое случается от пережитого волнения, надеюсь, вы почувствуете себя лучше в тиши Торнбери. Память постепенно вернется, и мы сможем сообщить родственникам или знакомым, если таковые имеются, о вашем местонахождении. А пока, если не возражаете, я осмелюсь просить осмотреть вас с медицинской точки зрения.

«Чрезмерно любезен, приторно услужлив. Этикет застав-

ляет его быть настолько почтительным? Поверил ли он мне?»

– Да, конечно, доктор, я не возражаю.

Удивительно, но манипуляции врача совсем не отличались от движений современного терапевта. Он мягко помял мне живот, постучал по нему, через специальную трубочку послушал легкие, заставил показать язык, широко открыть глаза и вращать ими вслед за его указательным пальцем.

Я не смогла сдержать улыбки.

Господин Лукас внимательно разглядывал волосы, ногти, кожные покровы и в особенности левое колено. Да, мое левое колено никак не давало доктору покоя.

– Н-да... Непонятно. Непонятно, но если допустить, то в принципе... почему бы нет... – разобрала я его невнятное бормотание.

Что особенного привлекло его внимание? Три маленьких шрама в виде крестов, оставшиеся после удаления мениска? Он мял их, растягивал под ними кожу, фыркал, двигал коленную чашечку, что вызывало неприятные и болезненные ощущения, и я уже решила было протестовать, как доктор сам оставил ногу в покое. Смутился, протер вспотевшую лысину кружевным платком.

С тревогой ожидала я закономерного вопроса:

«Что могут означать на колене молодой женщины три симметрично расположенных шва? На обычную травму они не подходят».

Я встала перед тяжелым выбором: начать говорить правду, не имея никаких доказательств, или попытаться быстро придумать логичное объяснение?

Какое, черт подери? Доктор, думайте, что заблагорассудится! Вы все равно мне... снитесь... Меня и вас нет.

К моему великому изумлению, доктор Лукас ничего не стал спрашивать. Продолжал бубнить под нос лишь ему одному понятные латинские термины, делал записи в принесенную тетрадь. Писал довольно долго и ни разу не поднял на меня глаз, что казалось странным. И потом, продолжая хранить таинственное молчание, извинившись за доставленное беспокойство и поблагодарив меня за доверие, с чрезмерно низким поклоном – да, именно так – покинул комнату.

Оставшись одна в комнате, я пребывала в замешательстве. Чего теперь ожидать? Какую страшную тайну открыло ему бедное колено? Мало ли где и при каких обстоятельствах могли появиться маленькие шрамы? Возможно, что-то еще смутило доктора?

Мои досужие рассуждения кажутся сейчас нелепыми. Но тогда, пребывая в неуверенности, не понимая, по какую сторону реальности нахожусь, я спасалась от безумия, пытаюсь мыслить рационально настолько, насколько позволяла сложившаяся ситуация.

Покрутилась перед зеркалом – ничего особенного. Повезло, не успела сделать на спине татуировку, по наитию отло-

жив эту экзекуцию на более холодное время года. Можно представить, какое впечатление этот рисунок произвел бы на благочестивого доктора... Что же не так? Его удивили мои ногти, покрытые перламутром? Дамы этого времени ничего не слышали о лаке? Или же им пользовались лишь женщины определенных занятий?

«Почему я не заговорила с ним по-русски? Сама включилась в навязанную кем-то игру и самозабвенно исполняю странную роль... Если бы он ответил, то это и стало бы доказательством сна...»

Я поморщилась, прогоняя запоздавшую мысль.

Остается ждать будущих событий и принимать решения по мере развития ситуации.

Надо отдать должное моему упертому характеру и стремлению к вечной борьбе с обреченностью. Пришло время вылезти из укрытия и осмотреться, а не безвольно плыть по течению. Пришло время *бежать*

На стуле лежало приготовленное Розалиндой платье, но я с немым протестом облачилась в капри и футболку. Подойдя к двери, осторожно ее открыла и, удостоверившись, что в коридоре никого нет, выскользнула из комнаты. Огляделась.

По периметру всего этажа тянулся балкон с балюстрадой. Я подошла к перилам. Такая же балюстрада опоясывала верхний этаж огромного, погрузившегося в сумрак дома. На втором, где я сейчас находилась, балкон с торца закан-

чивался широкой парадной лестницей, торжественно спускающейся в полутемный холл. Я взглянула наверх и изумленно вскрикнула. Венчающий свод был сказочно красив, великолепен! Фрески, словно вышедшие из-под руки Микеланджело, изображали библейские сюжеты, эпизоды Сотворения мира, хороводы ликующих ангелов. Вдоволь налюбовавшись живописным шедевром и стараясь не шуметь, я направилась к лестнице в холл. По обеим ее сторонам застыли призраками статуи богов и античных героев.

Огромный особняк казался пустым. Не было видно ни одной человеческой души, не слышно ничьих голосов. Возможно, слуги находились в предназначенных им помещениях и не имели права без надобности выходить в парадные залы. Логично.

Я сбежала вниз по лестнице в погруженный в полутьму холл и вновь огляделась. Сейчас прямо передо мной находился главный вход, украшенный высокими, вырезанными из темного дерева массивными дверьми. С противоположной стороны от него влево и вправо отходили два крыла. Первое при ближайшем рассмотрении оказалось оранжереей, второе заинтересовало меня куда больше – там располагалась картинная галерея. Я решила на миг заглянуть туда, как вдруг услышала голоса, раздающиеся из-за двери комнаты, находящейся по соседству с зимним садом.

– Сэр Фитцджеральд, я не вправе судить объективно. Но по моему скромному мнению, женщина абсолютно здоро-

ва в физическом и в психическом плане. Нервное напряжение и возбуждение присутствует, но это объяснимо ее двусмысленным положением и, не скрою, серьезной амнезией. Все ее физиологические реакции в норме, суждения разумны, внутренние органы без видимой патологии. Кроме странного покроя одежды и некоторых особенностей внешнего вида, я нахожу еще одну странность, не дающую мне покоя. (Я вся обратилась в слух.) Поэтому никак не могу свидетельствовать, что составил полную картину. Извините за нескромные подробности, сэр, но левое колено этой дамы было прооперировано неизвестным современной науке методом. Травмы конечностей занимали мое пристальное внимание вследствие увлечения конной выездкой, и я изыскивал всевозможные способы проведения наименее травмирующих вмешательств, но пока безуспешно. И представьте, сэр, мое изумление, когда я вдруг наблюдаю невероятный способ удаления коленного хряща! Гостья утверждает, что родом из России. Но маловероятно, что эскулапы из варварской страны научились извлекать хрящ через маленькие отверстия в коже. Скорее всего, мы видим результат работы мастера из Поднебесной. Поэтому прошу разрешения расспросить незнакомку более тщательно, мне не терпится узнать подробности и имя гениального врача, если таковой существует! А возможно, познакомиться с ним лично и покорно просить его о практическом обучении методике...

Итак, первая догадка подтвердилась. Именно колено не давало доктору покоя. Он нашел вполне логичное объяснение возникновению шрамов – made in China, но тем не менее собирается вскоре устроить мне настоящий допрос с пристрастием! К чему я совершенно не готова.

«Я не готова к вашему дознанию, любезный доктор Лукас, мне надо спешить. И так задержалась в вашей Неверландии».

Забыв о желании осмотреть картинную галерею, я направилась к парадным дверям, с трудом распахнула их и, сделав шаг, застыла на месте от изумления.

После сумрачного холла меня ослепил яркий солнечный свет, открывшийся вид показался нереально красивым, фантастическим. Геометрически вычерченный парк потрясал совершенством.

От дома вниз спускалась изумрудная, залитая лучами полуденного солнца, аккуратно подстриженная лужайка, окруженная непроницаемыми стенами тисовых и туевых кустов. Бархатный газон был разделен прямоугольным прудом с бьющим вверх фонтаном, струи которого рассыпались на мириады сверкающих на солнце хрустальных брызг. Водную феерию украшала пара белых лебедей, плавно скользящая по зеркальной поверхности. А по обеим сторонам пруда и газонов разбегались куда глаза глядят идеально симметричные аллеи парка-лабиринта.

Затаив дыхание, я не могла налюбоваться открывшимся великолепием и мысленно преклонялась перед талантом

ландшафтного дизайнера.

Совсем забыла о своих далеко идущих планах – бежать из дома-ловушки и постараться найти сосновый лес. Совершенный образчик парковой архитектуры потряс до глубины души, приковал к порогу.

«Это точно сон! Чудовищно красивый!»

Позади меня послышались легкие шаги и раздался голос, заставивший вздрогнуть от неожиданности и обернуться.

– Мисс, извините, что напугал вас. Позвольте представиться, Фитцджеральд Коллинз. Я очень рад оказать вам свое гостеприимство и приветствовать в Торнбери.

Мое сердце приготовилось выпрыгнуть из груди.

Передо мной стоял сам хозяин дома, которого я видела вчера в парке, но не успела достаточно хорошо разглядеть. Высокого роста, стройный мужчина средних лет, с горделивой осанкой, одетый в темно-синий сюртук. Узкие брюки заправлены в сапоги из мягкой кожи, предназначенные для верховой езды. Выражение лица уже не кажется надменным и холодным, напротив, мужчина смотрит с нескрываемым и искренним любопытством.

Я растерялась, не понимая, как вести себя в подобной ситуации. В голове, не задерживаясь ни на секунду, пролетали эпизоды из остиновских мелодрам, но ничего подходящего не вспомнилось. Полагаясь лишь на интуицию, я с как можно большим уважением наклонила голову и произнесла слова приветствия максимально четко:

– Спасибо за все, что вы сделали для меня, сэр. Быть гостей в вашем доме – большая честь. – «Что-то еще надо сказать...» – Позвольте заметить, я никогда еще не видела такого чудесного садового дизайна. – Я указала рукой в сторону парка. Поперхнувшись от волнения, закашлялась.

Сэр Фитцджеральд выслушал мою нелепость и неожиданно улыбнулся. Его лицо просветлело.

– Мисс, я слышал, что вы из России. О чем свидетельствует акцент и довольно странный язык... Садовый дизайн? Не приходилось слышать. Оставим. Вы случайно заблудились, незаметно перешли границу между моим поместьем и землями Вильямс? Не так ли?

«Опять те же вопросы. Что делать?»

– Сэр, я не знаю... – Голос предательски задрожал. – Простите, я не знаю, я не готова... – И в очередной раз осеклась на полуслове.

«Просыпайся! Срочно! На раз-два-три!»

Я подняла испуганное лицо на собеседника, и все дальнейшие слова замерли на языке.

Сэр Фитцджеральд внимательно смотрел на меня, словно старался заглянуть в самые потаенные уголки души и прочесть все хранящиеся там секреты. Я поймала себя на мысли, что чувствую под ногами зыбкую почву, почти уже плыву, точнее, тону в омуте дымчатых серо-голубых глаз.

Случается иногда в жизни чудо-расчудесное: в кратчайший миг понимаешь, что человек, стоящий перед тобой, не

способен причинить вред. Нет необходимости его обманывать, ему можно довериться.

Готовая бежать в поиске, возможно, несуществующей Кроличьей Норы, я поняла, что расскажу хозяину этого дома все, всю правду о себе, и будь что будет.

Не боясь показаться невежливой, я разглядывала его.

«Какой необыкновенный сон... Слово все взаправду...»

Сказать, что он был красив, значило слукавить. Черты его лица казались далекими от идеальных. Темно-русые, аккуратно подстриженные волосы и бакенбарды обрамляли худое бледное лицо. Прямой нос был немного длинноват, губы упрямо сжаты и слегка обветрены. То веко, то скула слегка подергивались, выдавая скрываемое волнение; кожа на подбородке сохранила несколько почти незаметных следов от перенесенной в детстве или юности оспы. Но глаза, украшенные длинными и прямыми, словно у тельца, ресницами, небесно-ясные, они притягивали словно магнит, медленно и верно тащили в омут. Попавшись в их плен, я не могла оторваться.

Сэр Фитцджеральд первым отвел взгляд, прервав затянувшийся контакт. Его брови недоуменно взлетели.

Приблизившись, он широко открыл входную дверь, и изящный жест руки предложил мне свободу.

– Мисс, если есть причина, заставляющая вас хранить инкогнито, никто не вправе настаивать на ответах. Никто не вправе принудить вас открыться. Вы можете располагать мо-

им гостеприимством, сколько посчитаете нужным, или уйти в любой момент. Дверь открыта. Одно лишь обстоятельство заставляет меня просить вас о снисхождении. Поговорите с доктором Лукасом и ответьте на несколько вопросов. Если вы сообразовались удовлетворить его любопытство, то низайше прошу пройти со мной в кабинет.

Слушая тихий уверенный голос, я знала, что Рубикон перейден, решение принято, пусть неразумное и могущее повлечь неприятные последствия. Истина очевидна: человеку, стоящему напротив, я могла доверить собственную жизнь. Наверное, такое случается. Сила и обаяние оказались счастливо соединены в единое целое.

Забыв о дерзких планах побега, я проследовала за хозяином Торнбери на второй этаж в его кабинет. Боюсь, если бы он посоветовал мне идти на плаху, то я и здесь послушалась бы беспрекословно...

«Тем более во сне... Где мне ничего не грозит. Даже интересно, что случится дальше».

– Сэр Фитцджеральд, простите!

Хозяин поместья оглянулся.

«Заговори с ним! Проверь! Если ты спишь, то он поймет...»

Я решилась.

– Простите, что говорю на своем родном языке. Хотелось бы понять: что происходит? – произнесла я, переходя на русский.

Мистер Коллинз нахмурился и, не отвечая, попросил жестом следовать за ним.

Глава 4

Если не знаешь, что сказать, говори правду...

Переступив порог кабинета, я увидела уже знакомых мне мужчин. Доктор Лукас сразу же поднялся, приветствуя меня, и следом за ним с поклоном встал Эдуард Моссер, рыжеволосый и конопатый, словно яйцо перепелки, – именно его я повстречала вчера в парке вместе с сэром Коллинзом.

Я учтиво поклонилась им в ответ и заняла предложенное место в большом мягком кресле у камина. Огляделась.

Кабинет хозяина представлял собой небольшую, затененную плотными гардинами комнату. Солнечный свет, проникающий через неширокую щель в занавесах, яркой полоской расчерчивал пространство на две равные части. Над массивным письменным столом висел портрет неизвестного мне мрачного господина, упакованного в строгий, застегнутый до горла фрак. Единственными светлыми пятнами на картине были его пушистые седые бакенбарды и серебряный набалдашник трости.

Сэр Фитцджеральд, удостоверившись, что мне комфортно, обратился к собравшимся:

– Итак, господа, наша гостя любезно согласилась отве-

тить на некоторые интересующие доктора – да и что таить, нас всех – вопросы.

Я прерывисто вздохнула, испуганно окинула взглядом троих мужчин, устроившихся рядком на кожаном диване с высокой резной спинкой и приготовившихся внимательно слушать мой бред. Постаралась расслабиться, представляя себя бейсджампером¹, подходящим к краю высокой скалы с намерением броситься вниз, в полную неизвестность... Ущипнула себя что было сил за локоть. Но попытка вернуться в реальность очередной раз дала сбой.

Ну что же.

Как построить свой рассказ, чтобы сразу избежать всплеска негодования и усмешек? Как попытаться донести до них правду и не показаться сумасшедшей? В последнюю очередь хотелось выглядеть клоуном!

Шансов на успех практически не было.

Странное чувство обреченности в тот момент захлестнуло меня с головой.

«Даже если это не сон, даже если заигравшемуся Кукольнику было угодно отправить тебя в прошлое, значит, он преследовал какую-то важную цель, пока не ясную, но определенно значимую. Поэтому логичнее придерживаться постулата „если не можешь красиво соврать – расскажи правду“».

¹ Бейсджампинг (от англ. BASE jumping) – экстремальный вид спорта, в котором используется специальный парашют для прыжков с фиксированных объектов.

Я видела, как волнуется доктор, он не мог сидеть спокойно, ерзал на диване, как нетерпеливый ребенок, потом встал и приблизился ко мне. Опережая его, я сказала:

– Мистер Лукас, я знаю, что у вас есть вопросы, не стесняйтесь – задавайте. Я постараюсь удовлетворить ваше любопытство.

«Потом буду вспоминать о случившемся и долго смеяться...»

Доктор с благодарностью взглянул на меня, откашлялся и приступил к дознанию:

– Мисс Элен, я бы никогда не позволил себе подобную вольность, но мое профессиональное любопытство не дает покоя, я не могу найти объяснения некоторым фактам. И прошу любезно их разъяснить. Буду говорить без обиняков. Речь идет о происхождении крестообразных шрамов на вашем левом колене, которые я заметил сегодня утром во время осмотра. Умоляю рассказать, кто и при каких обстоятельствах прооперировал вам колено, в результате чего был удален межсуставный хрящ...

Пока я слушала взволнованное вступление доктора, еще сомневалась, открыть им правду или продолжать валять дурака. Я продумывала другие объяснения и искала обходные пути. Но спокойные глаза мужчины, сидящего напротив и внимательно наблюдающего за происходящим, снова сказали: ничего не бойся!

«Когда тебе еще приснится такой красивый и благород-

ный принц? Сказки давно прочитаны и пылятся под диваном... Была не была».

И я решительно прервала пассаж доктора:

– Да, мистер Лукас, я дам ответы на все интересующие вопросы, но не обещаю, что они вас удовлетворят и разъяснят ситуацию. Действительно, из моего колена был полностью удален хрящ, и теперь оно поскрипывает, как несмазанный механизм. Эта операция была проведена в Москве... – Я на миг зажмурилась и, набрав в грудь воздуха, как перед прыжком, продолжила: – В Москве, в Институте травматологии, в прошлом году, но боюсь, имя врача вам ничего не скажет, вы не сможете увидеть этого человека.

– О боже, он скончался? – помрачнел доктор.

– Отнюдь, уважаемый доктор... – «Вот и наступил момент истины». – Этот человек еще не родился.

Я произнесла эту фразу и быстро взглянула на моих слушателей.

«Ну же, сказав А, говори Б».

Никакой реакции – совершенно ничего не выражающие лица, три пары глаз, не мигая смотрящие на меня, полная тишина. Они ничего не поняли, что естественно и вполне ожидаемо.

Первым прервал молчание доктор:

– Позвольте уточнить, я ослышался? Вы сказали...

– Этот доктор пока НЕ РОДИЛСЯ, – повторила я громко, подчеркивая каждое слово.

Сэр Фитцджеральд быстро взглянул на Лукаса, и я прочла его возмущенный взгляд с немим вопросом:

«Вы же утверждали, что она здорова?»

Я должна была продолжить.

Нельзя терять инициативу.

– Господа, решить, что я не совсем здорова, точнее, вышла из ума, удобнее всего.

Я видела, как сэр Коллинз потупился и слегка покраснел.

– И это правильно. Будь я на вашем месте – подумала бы так же. Тем не менее настоятельно прошу, даже умоляю выслушать меня до конца и только после окончания рассказа решать мою судьбу. Клянусь вам, что нахожусь в ясном уме и рассудке и говорю правду, мне нет смысла ее скрывать, потому что не вижу будущего, пока вы не узнаете мое прошлое.

«Красиво сказала... А сейчас, прошу покорно, хором закричите мне на ухо, чтобы я очнулась! Пожалуйста, пожалуйста, позвольте мне проснуться!»

Я пристально оглядела собравшихся. Белый как мел доктор, из последних сил умиряя волнение, присел на край дивана. Он нервно ерзал, напоминая непоседливого великовозрастного ребенка. Сэр Фитцджеральд, напротив, расположился удобнее, накрепко сцепил руки в замок и откинулся на спинку. Он приготовился внимательно слушать. Эдуард Моссер напряженно замер у окна, не сдвинувшись с места ни на йоту. Лишь тонкие алебастровые пальцы рук, нервно теребящие платок, выдавали крайнюю степень заинтересо-

ванности.

Все трое не отрываясь смотрели на меня и ловили каждое слово.

Я глубоко вздохнула и, стараясь как можно четче произносить слова, чтобы не допустить недопонимания, начала рассказ.

«Точнее монолог простившегося с разумом. Ну что же... доиграю свою роль... На бис не зовите!»

– Я утверждаю, что была прооперирована в Институте травматологии в городе Москве в сентябре прошлого года, если быть совсем точной... – я быстро взглянула на доктора. – Та операция носила название «Резекция латерального мениска методом артроскопии», то есть через маленькие отверстия в коже. Она прошла успешно, я встала на ноги и начала ходить уже через час после наркоза. Если быть совсем точной, дата операции – 19 сентября 2008 года... как вы говорите... от Рождества Христова.

Вот и все. Произнести эти слова оказалось достаточно легко.

«По сценарию они сейчас потеряют дар речи!»

Действительно, ничего не случилось в этот момент. Гром не грянул, стены кабинета не обрушились. Наступило лишь долгое молчание. Я уже подумала, что собеседники вообще ничего не поняли.

Они продолжали сидеть неподвижно, и только одинаково удивленный застывший взгляд свидетельствовал о том, что

они все правильно расслышали. Я замерла в кресле напротив них и, затаив дыхание, терпеливо ждала.

«Правильная реакция. Будь я на их месте, приняла бы собственное заявление за чудовищную шутку».

Доктор первым подал признаки жизни. Он закашлялся, будто слова, что он собирался сказать, комком встали у него в горле.

– Прошу прощения, мисс, можно ли нам еще раз услышать дату проведения операции?..

– Девятнадцатого сентября 2008 года, вы не ослышались, и я повторяю, что нахожусь в твердой памяти и в ясном уме. Тем не менее прошу искреннего прощения за смелое утверждение, но я попала к вам из... будущего.

«Сейчас они начнут смеяться до колик...»

– Я рождена в апреле 1974 года в Москве. Этот город является столицей России вместо Санкт-Петербурга. Мне сейчас тридцать пять лет. И в мое время идет 2009-й год.

Я подлила еще больше масла в огонь и опять посмотрела на мужчин, пытаюсь прочесть их мысли и предугадать реакцию.

Молчание длилось бесконечно и, казалось, что ему не будет конца.

На губах моих дрогнула ироничная улыбка.

«Что же ты хотела? Надеялась на чудо? Пытаешься управлять сном и внести в него коррективы? Вовлечь других персонажей?»

Внезапно стало очень страшно. Что теперь меня ждет? Скорее всего, доктор будет вынужден незамедлительно отвезти болезную дурочку к психиатру, заковать в цепи, лечить ледяными ваннами...

«Не торопись, останови панику! Теперь без их помощи не останется ни одного шанса выжить. А помочь они смогут, только поверив. Надо говорить дальше, пока не прошел первый шок, я должна успеть сказать все, что считаю нужным».

— Это произошло вчера, во время моей прогулки по парку на севере Москвы, около одиннадцати дня. Я набрала родниковой воды и шла по дорожке. Как вдруг почувствовала себя очень плохо и на некоторое время лишилась чувств. Придя в себя, еще раз извините меня за чудовищную правду, я оказалась в вашем парке, сэр Фитцджеральд, естественно, без всякого на то приглашения. Не знаю я никаких господ Вильямс. У меня нет никакого правдоподобного объяснения произошедшего со мной чуда, полагаю лишь, что попала в место, где меняется время. У нас в газетах печатали чудные истории о людях, исчезнувших из своего времени и считавшихся без вести пропавшими. Я до сегодняшнего дня не верила ни одному слову из прочитанного, но по иронии судьбы теперь не сомневаюсь в возможности подобного путешествия. Льюис Кэрролл написал сказку об Алисе. Страну чудес помните?

Я тут же осеклась. Какая Алиса? Какой Кэрролл? Он тоже еще не родился.

Названное имя, впрочем, все равно не произвело впечат-

ления и, по всей видимости, осталось без внимания.

– Скажу одно, господа, я в отчаянии, держусь из последних сил, так как боюсь сойти с ума. Там, в моем времени, остались маленькая дочь и мама. Им сейчас так же плохо, они ищут меня и не могут найти.

В носу защипало. Голос сел. Но я продолжала.

«Играй на бис! Заставь поверить!»

– Поэтому, господа, как это ни странно звучит, мне надо вернуться на ТО место, где я впервые встретилась с вами. – Я умоляюще взглянула на непроницаемого сэра Фитцджеральда. – Возможно, временной проход еще открыт... Сэр Эдуард, помните место нашей встречи на лесной тропе у куста боярышника? Отведите меня туда, пожалуйста!

Я с надеждой посмотрела на Мосснера, но глаза Эдуарда по-прежнему ничего не выражали, он смотрел сквозь меня и, конечно, не верил ни одному слову.

Чего я ожидала? На что рассчитывала?

Уверенность, поддерживающая меня короткое время, мгновенно исчезла.

Потому что, проговорив у себя в голове последние несколько фраз, я поняла, что подобные заявления и просьбы звучат из уст постояльцев психушки.

Полоска света из-за гардин доползла до кресла, я невольно поджала ноги, спряталась в тень.

Но помощь пришла нежданно-негаданно.

Доктор Лукас как-то незаметно приблизился ко мне.

Его маленькие бусинки-глазки сияли, словно раскаленные угольки. Он находился в крайней степени возбуждения, дышал прерывисто и тяжело. Осторожно взял меня за руку и произнес:

– Деточка, вы только не волнуйтесь. Нам, – он указал рукой на собравшихся, – безусловно, жаль, что с вами случилось... хм, столь удивительное событие. Но разве уж вы здесь с нами и, так сказать, являетесь божьим... посланцем, я осмелюсь просить рассказать, как будут жить люди в будущем. Какая у вас медицина?

Я не поверила ушам. Первой мыслью было, что доктор поддался на уловку, решил подыграть. Я вновь управляю сном! Как еще можно объяснить его внезапное понимание? Или он до сих пор не вовлечен и лишь делает вид, что говорит со мной как со здоровым и разумным человеком?

«Может, у меня все же есть шанс? Или это его привычный терапевтический способ успокоить буйнопомешанную?»

Выбора правильной тактики у меня, увы, не было.

Пытаясь говорить как можно увереннее, я продолжила:

– Уважаемый доктор Лукас, если это в моих силах, то я попробую удовлетворить ваше любопытство. Но, к сожалению, за неимением медицинского образования не смогу быть достаточно полезной, как вы того ожидаете. Прошу, задавайте мне вопросы. Что вас интересует в первую очередь?

Доктор растерялся и, вытащив из внутреннего кармана платок, дрожащей рукой протер вспотевшую кругленькую

лысину:

– Я в сомнениях, я не знаю с чего начать..., деточка.

Он прерывисто, со свистом втянул воздух.

«Деточка?»

– Допустим, так. Скажите, как долго будут жить люди через... хм... двести лет?

Его первый вопрос оказался неожиданно простым.

Я внимательно взглянула на доктора, пытаюсь понять, интересуется он искренне или нацепил маску.

Его круглое румяное лицо светилось от неподдельного нетерпения.

Он не лукавил и не играл.

Пришлось отвечать.

– В среднем до семидесяти – семидесяти пяти лет женщины и до семидесяти мужчины, это касается России, в других же, более развитых странах, как Япония, Германия и особенно Швейцария, продолжительность жизни немного выше.

Доктор недоверчиво посмотрел на меня и продолжил расспросы:

– Ну хорошо. Позвольте спросить – нашли ли лекарство от чахотки?

– Вы имеете в виду, лечат ли сейчас – извините, в будущем – туберкулез? Да, доктор, эта болезнь излечима практически в любой стадии, да и многие другие смертельные сейчас для вас болезни у нас полностью побеждены. Полностью исчезла оспа, детям перестали делать от нее прививки. О, простите!

Я имею в виду специальные уколы, когда впрыскивают безопасные штаммы вирусов и в организмах людей вырабатывается иммунитет.

«У них уже есть шприц? Они знают, что такое штаммы? Или доктора пока лечат клизмами и кровопусканием?»

Лукас, казалось, вообще перестал что-либо понимать. Он смотрел на меня, словно замороженный кролик на удава.

«Дела неважные... Тем не менее... надо продолжать».

– Но самое значимое для медицины событие произошло в начале двадцатого века, когда было случайно найдено чудесное лекарство – пенициллин, антибиотик, полученный из плесени и способный уничтожать стафилококки и многие известные микробы. После чего практически все бактериальные инфекции людям были уже не страшны.

– Мисс, простите, что перебиваю, вы сказали, из плесени? – переспросил меня доктор.

– Да, сэр, из обычной плесени, из спор плесневых грибов, но их название мне неизвестно, извините.

– Ну конечно... вполне допускаю... но каким образом? Настой? Вытяжка? Экстракция? Прошу покорнейше прощения, умоляю, продолжайте, – с волнением прошептал Лукас.

Я с невольной благодарностью взглянула на него и заговорила вновь:

– Сейчас ТАМ излечимы практически все болезни, безвременно уносившие жизни. Успешно лечат даже опухолевые заболевания, но пока на ранних стадиях. Врачи научи-

лись пересаживать органы от здоровых, но внезапно погибших людей к травмированным. Умеют производить операции через маленькие отверстия в коже, как было с моим коленом. Я повредила его, катаясь на горных лыжах в Альпах.

– Простите? На чем? – подал признаки жизни Эдуард Мосснер.

– Это специальные...

«Возможно, они еще не знают такого понятия – лыжи!»

– Это... Как бы объяснить? Представьте себе пластины из сплава пластика и металла...

Я опять замкнулась.

«Слова „пластик“ здесь точно не существует. Очнись! Нет, у тебя не хватит словарного запаса объяснить технологию производства».

– Эти длинные пластины из железа и специального материала, его... изобретут позже. Они цепляются на ноги. Крепятся к ботинкам. И люди с их помощью спускаются с горных вершин.

Делать нечего, я встала с кресла и показала воображаемые крепления на собственных ногах. Согнув колени, попыталась продемонстрировать стиль скольжения.

Удивлению Эдуарда не было предела.

– Простите, а для чего они спускаются с гор, разве трудно найти объездной и более безопасный путь?

Меня развеселил наивный, но абсолютно логичный вопрос Мосснера. Снится он мне или нет, но предположить,

что его потомки будут страдать от недостатка адреналина в крови, что уровень развития техники лишит людей естественной борьбы за выживание, он вряд ли мог. И тем более не додумался бы, что они намеренно начнут искать экстремальные способы пополнения эндорфинов. Я попыталась как можно проще пояснить Эдуарду, почему мои современники лезут в горы не боясь переломать себе ноги:

— Понимаю ваше недоумение, но горные лыжи были придуманы для получения удовольствия. Люди наслаждаются сверкающим снегом, белоснежными горными вершинами, плавным скольжением по склону. В наше время существуют огромная спортивная индустрия и инфраструктура, созданная для любителей острых ощущений. В горах построены мощные подъемники, доставляющие людей наверх; специальными машинами расчищаются и готовятся трассы для безопасного спуска. Я могу рассказывать о горах бесконечно, потому как сама являюсь... активным участником этого захватывающего действия. И однажды, во время одного из катаний, была неосторожна и повредила колено.

Я вновь взглянула на доктора. Теперь он походил на удивленного ребенка. Пушистые бровки-домики подскочили над металлическими дужками, а глаза-бусины сверкали от возбуждения.

«Интересно, я до сих пор произвожу впечатление умалишенной или факты, которые я привожу, дают мне шанс показаться разумным человеком?»

– Но продолжу, дорогой доктор, и скажу, что самые последние достижения медицинской науки даже мне кажутся абсолютной фантастикой... или, простите, утопией, говоря вашим языком. Судите сами...

«Пой, птичка, пой! Какая сейчас разница!»

Доктор не сводил с меня замороженных глаз и жадно ловил каждое слово. Эдуард Моссер поднялся с дивана и хаотично передвигался по комнате. Краем глаза я следила за его траекторией. Нахмурившись, он время от времени пронзал меня испытывающим взглядом. Вопросов более не задавал. Молчал. Скорее всего, процесс хождения его успокаивал.

И только сэр Фитцджеральд продолжал сидеть неподвижно, в абсолютно расслабленной позе, положив ногу на ногу. Глаза его неотступно смотрели на меня.

«Ты мне веришь?» – мысленно спросила я его, но ответа, естественно, не услышала.

«Надо продолжать. Потом, когда проснусь, выложу детали сновидения на форуме. Возможно, кто-то имел такой же продолжительный опыт...»

– Судите сами, господа. Врачам удалось проникнуть в тайну клеток, из которых состоят все живые организмы. Они смогли разобрать ее структуру на составляющие и выделить генотип, то есть набор генов, индивидуальный для каждого живого существа. Меняя структуру генотипа, они научились менять внешний вид или внутреннюю сущность организма.

Измененная структура носит название «мутация». Кроме того, врачи совершили еще одно чудо: они научились из одной живой клетки восстанавливать целую особь. Что значит – из единственной сохраненной клетки можно создать заново человека, хозяина этой клетки. Поистине, это звучит невероятно. Тем не менее это реальность для нас, и этот процесс называется «клонирование». Уже были успешные попытки клонирования, воссоздания из одной клетки новой копии овцы, собаки. Слава богу, неугомонным фанатикам от науки было запрещено клонирование живущих или умерших людей. По всему современному миру действует на это строжайший запрет, но, думаю, процесс уже не остановить, и человек будет воссоздан. Врачи в который раз постараются взять на себя роль Господа Бога...

Я безумно устала от своей продолжительной речи. Сил совсем не осталось. Горло пересохло и горело огнем. Благодарно кивнув доктору, своевременно поднесшему мне стакан с водой, я сделала несколько глотков живительной влаги и перевела дыхание.

Мужчины продолжали хранить молчание. Бедный сэр Лукас буквально согнулся под грузом невероятной информации, которую его мозг смог бы осмыслить только с течением времени.

«Им всем надо дать время. Возможно, по истечении его у меня появится ничтожно маленький шанс быть понятой».

И тут я вспомнила о мобильном телефоне. Как я могла забыть единственное доказательство моих слов? Если батарея еще жива, то телефон может сослужить последнюю добрую службу.

– Уважаемые господа, могу ли я попросить служанку принести из комнаты сумку, что была со мной вчера? И клянусь более не утомлять вас фантастическими историями.

Розалинда, явившаяся по звонку сэра Фитцджеральда, принесла сумку. Доставая из нее мобильный телефон, я молила об одном – только бы он еще работал! И облегченно вздохнула, увидев на батарееке одно-единственное дрожащее деление.

Открыв «Нокию», я подняла руку вверх, чтобы мое доказательство видели все.

– Я очень надеюсь, что вы поверите мне, увидев эту вещь, совершенно обыденную для каждого человека – от ребенка до старика – в моем мире. Это мобильный телефон, устройство, с помощью которого я при желании за несколько мгновений могу связаться и поговорить с любым живущим на земле человеком. Для чего мне надо лишь знать персональный номер и набрать его на этих кнопках с цифрами. К сожалению, я не могу показать вам его в действии. Еще не изобрели радио, способное передавать звуки на расстояние по проводам, еще нет радиопередатчиков, излучающих звуковые волны на разных частотах, нет антенн, улавливающих эти звуки, поэтому сейчас я держу в руках совершенно бес-

полезный предмет. Но еще вчера он был самым необходимым для меня. Он полностью разряжен, в его батарее остается энергии на несколько минут. Вы можете вместе со мной увидеть картинки моего мира, мои фотографии, мои воспоминания, которые я сохранила на телефоне. Если вас не затруднит, господа, подойдите ко мне ближе.

Мои слушатели встали и, как по команде, окружили меня со всех сторон. Дисплей телефона вспыхнул. За оставшееся время его мобильной жизни мне удалось в последний раз увидеть лица потерянных друзей, родных, дочери. Потом, жалобно просигналив, экран погас. Телефон умер.

– Все. Последняя ниточка оборвалась. – Эти слова невольно слетели у меня с языка и умерли во всеобщем молчании.

Мужчины стояли подобно каменным истуканам, не отрывая глаз от маленького предмета в моей руке, отныне совершенно бесполезного.

Я почувствовала, как нарастает волнение.

Приказать неминуемой истерике прекратиться оказалось невозможно. Перед долго сдерживаемыми слезами я была бессильна. Они крупными каплями, одна за другой, скатывались по щекам. Эдуард Моссер молча протянул свой платок.

Извиняясь за слезы, я отвернулась и шагнула к камину.

«Как неудобно, нельзя расслабляться, я позволю себе плакать только когда останусь одна». Огромным усилием я заставила себя улыбнуться.

Мои слушатели продолжали хранить молчание. Они не спускали с меня удивленных глаз.

«Смотрят, как на диковинного зверька. Хотелось бы мне знать, что творится у них в головах. Я надеюсь, что доктор сможет мне поверить и потом убедить других. Тогда, возможно, все сложится хорошо. А что, по-твоему, хорошо? Хорошо, если ты проснешься или найдешь дорогу назад, а если нет, останешься в этом времени или сне навсегда. Нет!»

Тогда я гнала страшные мысли от себя. Выжить в параллельной реальности казалось невозможно.

Затянувшееся молчание было нарушено сэром Фитцджеральдом.

Подойдя ко мне, он дотронулся до плеча. Я вздрогнула всем телом. Помню печальный взгляд, неуверенную улыбку, лишь приподнявшую уголки губ. Он пытался приободрить меня, но неудачно.

– Господа, поблагодарим мисс за увлекательный и занимательный рассказ, который до глубины души потряс и впечатлил каждого из нас. Полагаю, она сильно утомлена повествованием и не прочь отдохнуть. Если так, то мы не вправе более ее задерживать. Изволите позвать Розалинду?

Его спокойный голос звучал фоном.

Голова плыла.

Ну, вот и все, вот все и закончилось.

– Нет, сэр, благодарю, я чувствую себя хорошо и способна дойти до комнаты самостоятельно. Спасибо за внимание,

господа. Надеюсь, что мой рассказ хотя бы немного показался вам правдивым. Хотя сомневаюсь. Скорее он вас повеселил...

Я быстро взглянула на мистера Коллинза, но выражение его лица мне ничего не сказало, оно оставалось невозмутимо-спокойным и немного грустным, не более того.

«Он мне не поверил, мне вообще никто не поверил. А ты, будь на их месте, разве поверила бы? Еще недавно ты сама с усмешкой читала рассказы очевидцев, напечатанные в газетах, считая их желтой прессой...

Лена! Ау! Ты забыла, что они тебе грезятся? Ты напрасно истратила весь словарный запас, не находишь? Кто в домике хозяин? Поговори с ними на русском!»

– Господа! – Мой голос дрогнул. – Простите, мне кажется, что пьеса затянулась. Героиня чертовски устала. Позвольте потребовать объяснений! Что здесь происходит?

Я перевела глаза на мужчин и замерла в ожидании.

Моя реплика повисла в воздухе.

Доктор Лукас в недоумении переглянулся с Эдуардом. Сэр Фитцджеральд нахмурил лоб. Он смутился, подыскивая слова.

– Простите, мисс, но мы не владем русским языком... Не сообразоволите повторить ваш вопрос на английском?

Чтобы вновь не разрыдаться я собрала оставшиеся силы, поклонилась и покинула кабинет.

Сил не осталось, вся моя энергия ушла на безуспешную попытку осознать реальность. С трудом передвигая ноги в сопровождении Розалинды, я поднялась по лестнице на второй этаж, дошла до дверей комнаты. Раздеться сил уже не было, и я в полном изнеможении рухнула на кровать.

Как примириться с абсолютным бессилием, с невозможностью поверить в случившееся? С невозможностью ни себе, ни другим ничего доказать!

Новая реальность убивала, стирала подчистую.

Я исщипала, исцарапала руки до крови, пытаясь вырваться из объятий затянувшейся дремы, – все бесполезно.

Пережитое потрясение, невероятное психическое напряжение, усталость, выплаканные досуха слезы совершили наконец-то благое дело – позволили забыться сном.

Глава 5

Добро пожаловать в забытый мир книг

Сон разума затянулся надолго. В течение последующих дней я пребывала в состоянии полудремы, не находя сил подняться с кровати. Несколько мгновений бодрствования сменялись сновидениями, они спасали от сумасшествия. Сны не запоминались, наслаивались друг на друга, создавали круговорот отдельных, несущественных эпизодов. Порой я пила и принимала пищу из рук терпеливой сиделки Розалинды, поддерживающей мои дремлющие силы. Потом, уже после выздоровления, рассудила так: первый день в Норе прошел бодро и весело из-за неверия в происходящее, в состоянии шока. И, лишь вернувшись в комнату после бестолкового разговора, я освободилась от розовых очков, от куража, была вынуждена осознать, что не сплю, что случилось страшное и пути назад нет.

Вот тогда и сломалась...

Прошло больше недели, пока жизнь не решила навестить меня.

Пробивающиеся через портьеры лучи утреннего солнца

вернули из мира спасительных грез в настоящее, надежда проснулась вместе со мной и вновь поселилась в душе. А с ней и уверенность, что все сложится хорошо.

Приятных мгновений добавил завтрак, что принесла обрадованная моим возвращением к жизни Розалинда. Воздушные, еще теплые булочки, нежное сливочное масло, пара кусков отменного постного окорока и кофе, божественный свежемолотый ароматный кофе.

Еда чудесным образом повлияла на меня, и, допив последний глоток бодрящего напитка, я с блаженством откинулась на подушки, зажмурилась и неожиданно улыбнулась. Да, именно так – улыбнулась.

«Все замечательно, жизнь продолжается, за окном светит солнце и поют птицы, мне остается встать и продумать план дальнейших действий. Если есть вход в Нору, значит, найдется и выход из нее!»

В этот момент послышался тихий стук в дверь. В комнату заглянул доктор:

– Доброе утро, мисс! Я вижу, вы прекрасно выспались!

«„Прекрасно выспались“ – это его манера шутить?»

– Пожалуй, уважаемый мистер Лукас. Вам не кажется, что я провела во сне более чем достаточно? Какой сегодня день недели?

– Конечно, бедная девочка... Это обычная реакция на несчастье. – Вы находились в беспамятстве без малого десять дней. А тем временем пришло лето. Сегодня уже де-

сятое июня, пятница. Вы по-прежнему в Торнбери. – Доктор шагнул к окну и раздвинул занавеси, пропуская в комнату ослепительный солнечный свет. – Дитя, ваш мозг не смог продержаться в активном состоянии без того, чтобы не начать анализировать, что произошло в действительности. Мне ваша история видится скорбной и достаточно запутанной. Последовавшая реакция организма лишь подтверждает, что мисс пережила настоящее потрясение и срочно нуждалась в покое, в забвении. Молодость сыграла вам на руку, восстановление всех жизненных функций проходит в усиленном режиме, скоро и следа не останется..., а сейчас посмотрите-ка в окно! Погода отменная для первой недели июня, я, как врач, настоятельно рекомендую недолгую прогулку на свежем воздухе, конечно, не в одиночестве, а в сопровождении вашего покорного слуги. Вы очень бледны, мисс, это необходимо исправить летним солнышком.

Я была рада видеть доктора и предложила ему присесть.

Лишь взглянув внимательнее, заметила на его лице волнение. Гладкую, как бильярдный шар, лысину покрывали бисеринки пота.

– Что-то случилось, мистер Лукас?

Немного помявшись, доктор достал свой бессменный платок, промокнул испарину. Он вновь, от смущения или по другой причине, прятал взгляд.

Я невольно улыбнулась.

«До чего нелепым кажется этот очкарик. Вечно бегающие

глазки, потная лысина...»

– Мисс Элен, я до сих пор не в силах прийти в себя от недавнего рассказа, от чудной истории, произошедшей с вами. Поверьте, не каждый день встречаешь своих потомков, случайно заглянувших в гости. Поэтому прошу извинить, если мои слова будут не совсем верно истолкованы.

Сердце мое забилося сильнее.

«Он мне поверил? Или продолжает играть неизвестную роль?»

Лукас прерывисто вздохнул и продолжал:

– Мисс, в первую очередь должен сказать, что я склоняюсь к тому, чтобы поверить вам.

«Ура!»

Я благодарно улыбнулась.

– И моя вера основывается не только на вашем рассказе, но и на моих личных наблюдениях. Внешним обликом, в психическом плане и по физическому развитию вы отличаетесь от нас. Уровень образованности невероятно высок, склад мышления не соответствует мышлению современной женщины, он скорее мужской, что говорит не о врожденных, а о приобретенных способностях, вероятно, вследствие обучения... – Доктор смущенно закашлялся, почему-то заискивающе взглянул на меня и некоторое время спустя продолжил: – Меня глубоко поразил и впечатлил уровень развития медицины в ваше время, и я могу только сожалеть, что вы не получили необходимой медицинской подготовки, чтобы

ответить на множество вопросов, которые мучили меня на протяжении всех прошлых дней, пока мисс находилась в беспомощности. Но буду ни в коем случае просить возможности поговорить. Любые сведения, что я могу получить, бесценны. Но позднее, позднее, ангел мой!

Мисс Элен, я допускаю, что произошел невероятный временной феномен и вы непостижимым способом были заброшены на целых два века назад. Какое счастье для нас, невежд! И безмерное горе вам, потерявшей семью... Сердце мое скорбит, потому что не имею ни малейшего понятия, как помочь. Молитесь, мисс. Приходится ныне уповать лишь на Божью волю и на счастливое стечение обстоятельств, которые могут исправить ситуацию, восстановить равновесие и логический путь развития событий.

– Да, доктор, вы совершенно правы, именно на это я и надеюсь, равновесие должно восстановиться. Позволю высказать только что пришедшую мне на ум теорию. Даже из-за одного человека история всего человечества может пойти немного другим путем, что приведет к глобальным изменениям в будущем. А так как до сих пор нигде в исторических хрониках не зафиксировано фактов о временных переходах, то у меня теплится надежда, что те люди, которые попадали во временную дыру, возвращались обратно к себе, не успев изменить ход истории.

– Или, дорогая мисс, есть другая причина, по которой они не смогли изменить ее ход. – Маленький доктор наморщил

лоб и помрачнел, в его воркующем голосе неожиданно зазвучали металлические нотки. – Жаль говорить вам об этом, но более легкий способ заставить этих несчастных замолчать навеки – это списать их состояние на обострившуюся душевную болезнь или попросту уничтожить их физически, сгноить в тюрьме или в том же доме для умалишенных. Поверьте, истории мало дела до отдельных индивидуумов, ей безразлично, каким способом восстановится равновесие, не правда ли? Вы же знаете, что в данный момент я говорю абсолютную истину!

От слов Лукаса повеяло холодом.

«А ты достаточно умен и рассудителен, док... Мало того, циничен, как и вся ваша братия...»

Холеное лицо моего собеседника дрогнуло и нелепым образом исказилось. Медленная улыбка растянула губы, как будто добряк надел зловещую карнавальную маску.

Глаза-угольки сверкнули. Он прочел мои мысли.

– Поэтому, мисс Элен, позвольте дать искренний совет. Несколько дней назад вашу историю слышали только три человека. Можете быть уверены, что все трое – очень достойные и порядочные люди, никто из нас не позволит себе дальнейшего обсуждения подробностей за пределами дома и внутри него. Кроме того, сэр Фитцджеральд взял с каждого клятвенное обещание, что услышанное умрет вместе с нами. Он прекрасно осознает, чем грозит распространение слухов. Мы с ним полностью согласны. Мой совет и, позвольте, даже

приказ: хотите сохранить свою жизнь – молчите о том, что случилось! Более ни одна живая душа не должна узнать ни одной подробности.

Мне не известно, что представляют собой дома скорби для лишенных рассудка в ваше просвещенное время. Пока мы не столь гуманны, как следовало бы. Не дай вам бог хотя бы краем глаза увидеть последние прибежища для сумасшедших. Это грязные подвалы, общие для мужчин и женщин, лишенные света, элементарных удобств, где люди привыкают жить стадом, в темноте, справляя нужду рядом со спящими или совокупающимися. Поверьте врачу, именно грех прелюбодеяния становится преобладающим в земной преисподней. Люди становятся подобны животным, дерущимся за глоток воды или за кусок хлеба, бросаемый сверху смеющимися охранниками. Из лечебных процедур там лишь ледяные ванны. Нет смысла продолжать – я вижу, что основательно напугал вас, а значит, цель отчасти достигнута. Вы будете благоразумны. Молчите – и спасете себя. Простите, что испортил хорошее настроение, но теперь вы предупреждены о скрытых опасностях и будете стократ осторожнее...

Карнавальная маска исчезла. Передо мной вновь сидел чудаковатый доктор.

– Итак, еще раз приглашаю совершить прогулку по парку – обещаю более не рассказывать страшные истории. – Лукас добродушно подмигнул.

Но я вынужденно отвела взгляд.

Так и не дождавшись согласия, врач направился прочь из спальни.

Я молчала, потрясенная до глубины души его монологом. Сказать, что он сильно напугал меня, значит ничего не сказать!

«Обещаю молчать... Только последний вопрос, доктор!»

– Прошу вас, подождите.

Лукас Фишерли замер на пороге, обернулся.

– Сэр Фитцджеральд поверил в мой рассказ?

Я с волнением ждала ответа.

Доктор удивленно вскинул брови-домики:

– Сожалею, мисс, мне неизвестно его мнение. Могу сказать одно: сэр Коллинз – один из самых достойных людей нашего общества, можете полностью положиться на него, этот человек никогда и никому не причинит вреда. Мысли его мне недоступны, он привык держать их при себе и не обсуждать даже с близкими друзьями.

С этими словами Лукас переступил порог и тихо прикрыл за собой дверь.

Находясь под впечатлением от его жуткого рассказа, я была благодарна за предупреждение. Мне ничего не оставалось, как затаиться и ждать счастливого случая. А пока... необходимо научиться быть здесь и сейчас. Как можно скорее ассимилироваться, не выделяться, попытаться обмануть историю, затеряться среди ныне живущих, стать по-

хозяей на них, но в то же время не упускать из вида свою цель. Ждать... ждать... То есть делать то, что ненавидела всю свою жизнь. Ждать открытой двери... или поворота тропы, которая, по предсказанию черноглазой красавицы, когда-то должна привести меня домой.

С момента той памятной встречи я больше не видела хозяина Торнбери. Я прекрасно понимала, что мое благополучие, моя жизнь находятся во власти одного человека и именно от него зависит, как сложится она в дальнейшем. Он был вправе уже на следующий день отправить меня в дом для умалишенных, но не сделал этого. В глубине души я знала, что он не способен на подобный поступок. Его глаза сказали мне больше, чем его молчание. Кто он такой, хозяин поместья? Кого любит и кого ненавидит? Почему его нет сейчас в доме? Где он?

Время шло, сэр Фитцджеральд не появлялся ни в доме, ни в парке, ни в служебных помещениях – нигде.

Ответить на вопросы было некому, кроме Розалинды.

Я ни с кем из слуг тогда не общалась, а набраться храбрости и расспросить болтушку горничную не осмеливалась.

Но спустя какое-то время она преподнесла все новости на блюдечке.

Оказалось, на следующий день после памятного разговора в кабинете пришло известие о немочи старшего Моссне-

ра. Эдуард немедленно отбыл в свое поместье. Сэр Фитцджеральд, проводив друга, уехал в Лондон по личным делам. Последнее время он предпочитал жить в столице.

– О, обычно он отсутствует довольно долго, бывает, месяц или даже два, но всегда извещает о своем возвращении заранее. Скорее всего, – разоткровенничалась Роза, – это случится ближе к августу, ведь на конец месяца назначена его свадьба с леди Анной.

«Его свадьба?»

Розалинда долго еще обсуждала предстоящие хлопоты и приготовления к торжеству, а я с удивлением почувствовала, как у меня заныло сердце. С чего бы?

«Значит, у прекрасного принца есть возлюбленная... Но это понятно – он привлекателен, молод и богат. Интересно, какая она? Нежное создание, наследница огромного поместья? Бедная аристократка, надеющаяся на удачную партию? Или выскочка-интеллектуалка?»

Мои мысли бежали наперегонки.

Слушая разговорчивую горничную, я сделала пока единственный вывод: леди Анна не сильно ей нравится.

– Холодная, как луна, – сказала девушка и хихикнула.

– Странное сравнение!

– Не подумайте ничего дурного, Анна принадлежит к знатному роду, ее родословная безупречна, было бы замечательно объединить два древних рода, Коллинзов и Мортон-ов, дома Торнбери и Уилл-Лодж... Но не знаю, право, как

они сойдутся, такие оба разные. Лед и огонь...

Теперь каждую свободную минуту Розы открывала мне все новые и новые подробности подготовки торжественного приема, делилась сплетнями и нелепыми домыслами:

– Говорят, семья Мортон водит дружбу с нечистым. Ходят слухи, что отец Анны ему душу заложил за горсть золотых. А мать ее, Катрина, известная в Лондоне сводня и истинная горгулья.

Оставалось лишь охать и качать в недоумении головой.

Что говорить, горничная нашла в моем лице благодарную слушательницу.

Болтовня Розы отвлекала и скрашивала непреходящую тоску по дому, а ее белобрысый ангелок Мари, вечно скачущий вокруг мамы, напоминал мою дочку в детстве. Я с огромным удовольствием тискала малышку, играла с ней в прятки, бегая по заднему двору и первому этажу, куда был разрешен вход слугам, рассказывала девочке сказки перед сном, а потом рыдала, оставшись одна в комнате, скучая по своему ребенку.

Постепенно я познакомилась со всей прислугой. Розалинда представила меня седьмой на киселе бедной родственницей хозяина, приехавшей погостить.

– Боже, мисс! Неужели там у вас не знают, что для чистки зубов существуют специальные маленькие щеточки из китового уса и душистый мятный порошок, а для ухода за телом – эссенции, как, например, настои из розмарина и втирания

из цветов китайского жасмина? Ну хотя бы мыло в ваших галантерейных лавках продают?

Удивленные вопросы Розалинды так и сыпались на меня, но мне было проще прикинуться непосвященным в искусство парфюмерии и современных средств ухода варваром, чем показать, что я понятия не имею, чем они чистят зубы, умываются и какими ароматами для тела пользуются.

Знала бы глупышка, чем занимаются ее потомки в многочисленных салонах красоты! Какие у них щеточки, какие порошки, лосьоны и втирания? Все намного серьезнее.

Тем не менее болтушка Розалинда сохранила мои неловкие просчеты в секрете от других обитателей дома.

Все слуги относились ко мне как к дорогой гостье – с большим уважением. После отъезда мистера Коллинза их осталось в доме немного. Два садовника, конюх, еще одна горничная, следящая за комнатами третьего этажа, два повара и кормилица сэра Фитцджеральда, исполняющая также обязанности экономки, пожилая испанка, миссис Фрида Альварес.

Первое время тотальный внутренний контроль за жестами и словами, готовыми сорваться с языка, сводил с ума, и к вечеру я уставала носить маску провинциальной приживалки. Тогда я придумала увлекательную игру. Представила себя засланным резидентом, шпионом, скрывавшим свое истинное «я», боявшимся провала и разоблачения. Постепен-

но, день за днем, маска приросла к лицу, уже не приходилось прилагать много усилий, чтобы быть похожей на даму девятнадцатого века. Я с сарказмом ловила себя на мысли, что регресс протекает быстрее прогресса. Мне удалось полностью ассимилироваться, приспособиться к их образу жизни, говорить, как они, думать, как они, жить, как они.

Привыкла к их языку, старому английскому, с валлийской заторможенностью, массой оттенков и странных оборотов, и ловила себя на мысли, что уже думаю не на русском и даже во сне продолжаю говорить, используя любезности и условности окружающей меня новой реальности.

Обыденные вещи, как мобильный телефон, телевизор исчезли из памяти очень легко – их заменили чтение книг, вышивание и рисование. Возможно, только очень внимательный и недоброжелательный наблюдатель или слушатель мог заметить напряжение в моих действиях и путаность в словах, но таковых вокруг не было. Я по своей природе легко сходилась с самыми разными людьми, хотя и не пускала их себе в душу, старалась сохранить со всеми ровные отношения. Поэтому могла сказать уверенно, что не чувствовала врагов в своем окружении.

Глава 6

Фрида Альварес

Конюх Готлиб нашел для меня неноровистую гнедую кобылку Марту и разрешил – сначала в его сопровождении, а потом и одной – совершать недолгие конные прогулки по аллеям парка. Его удивляла моя мужская посадка. Пришлось слукавить, что в далекой России многие женщины ездят на лошадях по-азиатски. Чего еще ожидать от варваров из стран, где медведи разгуливают по улицам заснеженных городов и заглядывают в окна? Постепенно старина Готлиб оставил свою идею усадить меня в женское седло.

Иногда я выходила в сад, чтобы помочь ухаживать за бесчисленными кустами роз и послушать Клайва, одного из садовников. Старик был родом из Эдинбурга и мог бесконечно рассказывать о сортах, о правильной рассадке, об особенностях ухода и полива. Другая растительность находилась под пристальным вниманием Христианы, уроженки Тюрингии, пересекающую Ла-Манш еще в раннем детстве. Ей нравилось домашнее обращение «фрау Христи». Это была дородная рыжеволосая женщина, ширококостная, сильная, ни дать ни взять мужчина в юбке. Она без усталости и удивительно изящно управлялась с угрожающих размеров секатором,

ежедневно подравнивала кусты тиса. Одни превращала в за-
тейливые фигурки животных и птиц , другим придавала пра-
вильную геометрическую форму. Христиана была неразго-
ворчива и замкнута, и я могу припомнить лишь несколько
случаев, когда мы перекинулись с ней парой слов о погоде
и о ее удивительном почти ювелирном мастерстве. Мое по-
следнее утверждение она сочла за лесть и, как истинная пра-
ведница, стыдливо замкнулась. Поэтому я старалась ей не
мешать и обходила стороной, предпочитая общество разго-
ворчивого шотландца.

Неоднократно Лукас Фишерли приглашал меня на про-
гулки по дальним аллеям парка и просил рассказывать о по-
кинутом времени, что в очередной раз доказывало: доктор
мне верил. Мы говорили о способах лечения болезней, о но-
вых лекарствах – обо всем, что я могла в силу своего знания
пояснить ему.

И только миссис Фрида, кормилица Фитцджеральда, дол-
гое время избегала меня. Госпоже Альварес шел седьмой де-
сяток, но красота ее не увядала.

Она была невысока ростом, худощава. Ее гладко зачесан-
ные, черные как смоль волосы с редкими серебряными пря-
дями всегда украшал изящный костяной гребень – память о
покинутой родине. Жгучий взгляд карих испанских глаз вы-
зывал восхищение и даже невольный трепет. Можно не со-

мневаться – в юности она не имела отбоя от поклонников, особенно здесь, в чопорной и безликой Англии.

Сначала казалось, она недолюбливает меня. После приветствия старалась первой закончить разговор, отходила в сторону. А когда я занималась рукоделием или читала, исподтишка наблюдала.

«Неужели Фрида догадывается, что я не та, за кого себя выдаю?»

Но, как обычно, глаза у страха оказались слишком велики. Мои подозрения оказались надуманными и смешными.

Фрида была невероятно скрытным, недоверчивым человеком и очень тяжело сходилась с новыми людьми. Она продолжительное время присматривалась, изучала их со всех сторон и лишь потом делала первый шаг к сближению.

Постепенно наши отношения наладились, пожилая испанка стала мне настоящим другом, которого так не хватало в чужом и опасном мире.

Сколько интересного она поведала об обитателях Торнбе-ри!

В первую очередь Фрида показала мне дом, все его потаенные уголки. Огромную библиотеку, настоящую сокровищницу мировой литературы, любовно собираемую уже не одним поколением семьи Коллинз. Открыла двери в святая святых, в свой тайный мир – оранжерею, где она, будучи любительницей орхидей, возделывала уголок райского сада,

выделенный под экзотические растения, привозимые из теплых колоний. Таких необыкновенных расцветок и соцветий я еще не встречала.

Фрида провела меня по картинной галерее, находящейся в крыле, расположенном напротив зимнего сада, и подробно рассказала о каждом портрете, изображавшем членов огромной семьи Коллинз.

Я увидела родителей сэра Фитцджеральда – его отца, сэра Томаса, brave генерала, погибшего в конце прошлого века в Индии, и его мать, не прожившую и года после трагической гибели мужа, леди Лауру. Маленький Фитцджеральд в десять лет остался полным сиротой, и его воспитанием занималась кормилица. Для мальчика были выписаны из Европы лучшие учителя математики, истории, географии и словесности.

Потеряв собственного ребенка (ее бедный малыш скончался от скоротечной горячки), Фрида Альварес полностью посвятила себя приемному. Воспитав сына леди Лауры, испанка считала его родным. Фрида могла целыми днями говорить о достоинствах своего любимчика, восхвалять положительные качества его характера. Как ни странно, мне это не надоедало, наоборот, было приятно слушать теплые слова о человеке, под покровительством которого я находилась, по доброй воле которого могла жить в прекрасном доме и пока не беспокоиться о будущем.

Миссис Альварес была скромным человеком и только

один раз позволила себе задать вопрос о моем происхождении. Безусловно, она слушать не хотела о пресловутом дальнем родстве с ее хозяином и ни на минуту не поверила версии, предназначенной для прислуги, но была вполне удовлетворена (или сделала вид, что удовлетворена) запасным вариантом – историей о несчастной русской гувернантке, потерявшей память вследствие трагических обстоятельств, о которых мудрая женщина не стала допытываться.

– Увы, я действительно ничего не могу вспомнить, миссис Альварес. И вынуждена ждать улучшения, уповая на Бога. Как только это произойдет, родственники и знакомые будут немедленно извещены о моем местонахождении, если таковые имеются.

Удачно придуманная мистером Лукасом легенда о внезапной амнезии действительно помогала. Его немудреный диагноз избавил меня от многих недоразумений. Фрида поверила доктору, просившему не поминать всуе о моем прошлом, потому что лишние расспросы и разговоры якобы могли вызвать повторный нервный срыв и затруднить возвращение воспоминаний. Более Фрида не возвращалась к обсуждению деталей моей жизни.

Удивительно, но все обстоятельства складывались как нельзя лучше. Я была желанной гостьей в Торнбери и наслаждалась покоем вкупе с хорошим отношением окружающих. Радовалась мягкому сияющему лету, царящему над садами

и парками Южной Англии. Но все было так лишь при свете солнца, а с приходом ночи в мою комнату пробирались неразлучные подруги – тоска и боль от потери близких. Я плакала, уткнувшись в подушку, вспоминая дочку и маму; я разговаривала с ними, старалась передать им мысль, что жива и здорова и что обязательно вернусь. Главное, быть в этом абсолютно уверенной, и тогда жизнь начнет подстраиваться под твои желания и, возможно, еще раз откроет дверь. Теория красивая, да только в жизни все намного сложнее...

Глава 7

Волшебные бобы

Прошло более месяца после моего исчезновения из 2009 года. Здесь, в Торнбери, ход времени казался куда более медленным. Оно плавилось и становилось тягучим, словно патока. Я связывала это с неторопливым укладом жизни сельских жителей, его размеренностью и умиротворением. Казалось, прошло намного больше времени и уже должна приближаться осень, но нет, еще царил согретый мягким солнцем и напоенный запахом луговых трав и садовых цветов июль.

Это время было бедно на события, пожалуй, за исключением одного, о котором я хотела бы упомянуть, потому что последствия этого происшествия сыграли в дальнейшем важную роль.

Тем памятным утром Розалинда вошла ко мне в спальню, чтобы помочь с утренним туалетом и переодеванием, вся в слезах, что было совсем не похоже на хохотушку-горничную.

– О, мисс, бедная Мари, она горит со вчерашнего вечера. Я не спала эту ночь, никак не могла снизить жар. Моя бедная девочка заболела; если с ней что-то случится, как я буду жить? Это единственное сокровище в моей жизни!! – Роза

упала в кресло и заплакала навзрыд.

Я знала, что женщина одна воспитывает дочь, которую родила во грехе от заезжего с бродячим театром актера. Красавчик подарил простушке ночь любви и бесследно растворился среди вересковых пустошей вместе с своим балаганом.

Постепенно из прерываемого рыданиями рассказа я поняла, что малышка набегалась по дому и, разгорячившись, пока никого не было на кухне, напилась из чана ледяной колодезной воды. Ничего удивительного, что она сильно застудила горло. Ангина всегда вызывает сильный жар, надо потерпеть несколько дней. Но, как я поняла из сбивчивого рассказа матери, положение девочки осложнил начавшийся кашель («Она просто задыхается, мисс!»), инфекция опустилась в легкие.

Я спросила Розалинду, осмотрел ли ее ребенка доктор.

– Нет, мисс, у меня нет денег, чтобы вызвать доктора из ближайшего города.

Я ничего не понимала: разве доктор Лукас не может помочь больному ребенку?

– Что вы, мисс, мистер Лукас – это врач семьи Коллинз. Мы, слуги, не должны беспокоить его.

Я бросилась к Фриде с просьбой пренебречь условностями и срочно позвать доктора и была рада, что она уже сама приняла непростое решение и послала за мистером Фишерли.

Спустя некоторое время я заглянула в комнату к Розалин-

де, чтобы навестить малышку.

Бедная девочка, раскрасневшаяся от мучавшего ее жара, притихла в маленькой кроватке и смотрела на меня внезапно повзрослевшими грустными глазами.

Что может быть мудрее и страшнее глаз больного ребенка?

– Ну что же ты натворила, глупышка Мари? Разве можно было пить холодную воду, как набегаяешься, – вот теперь твое горлышко обиделось. Ну ничего, это совсем не страшно, сейчас придет добрый доктор Лукас и вылечит тебя волшебным порошком.

– Мисс, я его боюсь, он злой. Очень.

Я удивленно заглянула в испуганные глаза девочки:

– Что значит злой? Мари, ты ошибаешься.

Девочка закрыла пылающее жаром лицо ручками:

– Нет мисс, он... крадет больных детей и скармливает псам! Не показывайте меня ему!

«Дело совсем плохо... У ребенка сильный жар, и она бредит». Я отошла в сторону, чтобы проверить, есть ли у крохи теплое питье.

Бедняжка жалобно пискнула:

– Мисс! Не уходите, расскажите мне сказку. Вы добрая, вы меня вылечите?

Пряча слезы, я смотрела на маленького обессиленного ангелочка и думала, как же помочь ей. В голову приходили

лишь рецепты народной медицины от сильного жара, такие как чай с малиной или медом, отвар из липы и мать-и-мачехи, но Розалинда была осведомлена об этих средствах и уже наверняка их испробовала.

И в тот момент, когда я рассказывала притихшей Мари сказку о волшебных бобах, произошло чудо. Невероятная догадка сверкнула у меня в голове.

«У меня в сумке должна лежать полоска с „Ампиоксом“! Скорее всего, там оставалось около десяти капсул».

О, Божье провидение! Незадолго до моего исчезновения я пила этот антибиотик от того же больного горла! Но могу ли я дать его ребенку из прошлого? Какая чушь, конечно же могу! Только тайно!

Измученная бессонной ночью девочка заснула, и я поднялась в свою спальню. Только бы лекарство было там! И действительно, целая, нетронутая по счастливой случайности упаковка с капсулами лежала в боковом кармане сумочки. Отголосок потерянной жизни, тонкая связь с миром будущего, элементарный антибиотик из группы пенициллиновых должен помочь несчастному ребенку. Ни минуты не сомневаясь, я достала лекарство и спустилась вниз, к Мари.

В ее комнате уже находились плачущая Розалинда и Фрида. Я вся похолодела – неужели не успела? На кровати со стетоскопом в руках сидел доктор Лукас и слушал маленькое щуплое тельце. Сердце сжалось. Я очень рассчитывала, что доктор даст надежду и пропишет действенные лекарства.

Каково же было мое изумление, когда он поднялся и с мрачным видом сообщил, что судьба ребенка в руках Божьих, а нам остается лишь молиться. Роза зарыдала в голос и упала на колени у кровати дочери. Бледная как полотно Фрида опустилась рядом, пытаясь успокоить горничную.

Я остановила доктора в дверях и спросила: неужели он не может посоветовать ничего более действенного, кроме молитв?

– Мисс Элен, я понимаю ваше беспокойство за судьбу ребенка, к которому вы привязались (он говорит о щенке или котенке?), но болезнь скоротечна, инфекция перекинулась на легкие, и нам остается уповать на волю Создателя и надеяться, что организм девочки справится. А так, что я могу еще посоветовать? Травяные настои для отхаркивания и прохладные компрессы для понижения жара... Все, пожалуй. Извините, мисс, – добавил он мне на ухо, – но наша медицина слишком примитивна. Еще никто не придумал волшебного плесневого зелья.

В последней фразе сквозил неприкрытый цинизм и издевка.

Я была поражена его ответом.

Зажатая полоска с лекарством обожгла руку.

«Ты много бы отдал сейчас за эти пилюли, док!»

Не обращая внимания на рыдания матери, доктор еще раз подтвердил свое бессилие и покинул комнату. Фрида мрачно взглянула ему вслед и ничего не сказала.

В моих руках был единственный шанс спасти ребенка. Пути назад нет.

Необходимо как можно скорее дать ей антибиотик. Дождавшись, когда Фрида уведет плачущую Розалинду, я быстро подошла к кровати ребенка и, приподняв ее потную горячую головку, зашептала:

– Моя дорогая, я сейчас доверю тебе одну волшебную тайну, только обещай, что никому о ней не скажешь, иначе она перестанет быть волшебной!

Бедная девочка грустно смотрела на меня воспаленными от жара глазками.

– Мари, когда я была в своей комнате наверху, в окно тихо постучали, и я увидела прекрасную Белую Фею, парящую в воздухе, добрую волшебницу, о которой я рассказывала тебе сказки, помнишь? В ее чудесной стране всем стало известно, что малышка Мари тяжело заболела и ей надо срочно помочь. Тогда, захватив лекарство, Фея спустилась на облаке прямо ко мне в комнату и дала десять чудесных фасолин. «Только никто из взрослых не должен знать об этом, иначе лекарство не подействует», – шепнула Фея и растворилась в воздухе!

– Мисс, это те волшебные бобы из сказки?

– Конечно, малыш, именно они. Мы сейчас с тобой возьмем первую фасолинку и запьем ее водичкой, вот так, умница, и ляжем в кровать, а потом я приду к тебе, и мы проглотим еще одну. Нам надо будет скушать все десять фасо-

линок, одну за другой, и только тогда они смогут победить злую болезнь, поселившуюся в горлышке. Но самое главное – мы должны сдержать обещание, данное доброй Фее, и никому ничего не рассказывать, это будет нашим с тобой секретом, хорошо?

Маленькая девочка послушно закивала в ответ. Вот и уминица. Я погладила ее по потной головке и встала. В комнату вошла слегка успокоившаяся Розалинда. Я незаметно приложила палец к губам, тем самым еще раз напомнив девочке о тайне. Потом обняла Розу и сказала:

– Все будет хорошо, я уверена.

На самом деле полной уверенности не было. Риск был огромен! Кто знает, поможет ли лекарство будущего ребенку из прошлого? Какова будет реакция? Не станет ли это нарушением равновесия, о котором говорил доктор? Не изменит ли это историю? Я отбросила тяжелые мысли – смотреть, как умирает несчастная девочка, я не могла. Дело сделано, теперь надо надеяться на лучшее – другого выхода все равно не было.

Еще два дня прошли в страшных сомнениях – правильно ли я поступаю, давая девочке лекарство? Неизвестно, как ее организм воспримет обычную для моего времени дозировку антибиотика.

Мои молитвы были услышаны, а риск оправдан, на третий день болезнь медленно, но верно начала отступать. Девочка пошла на поправку. Когда на пятый день я дала ей послед-

нюю капсулу, Мари уже с аппетитом кушала и даже пыталась встать с кровати и побегать по комнате, что было строго пресечено Розалиндой. Моя горничная смотрела на меня как на божество. Безусловно, она ничего не знала о таблетках – малышка Мари сдержала обещание, данное Белой Фее. Розы, полагаясь на чутье матери, сделала вывод, что именно я спасла ее ребенка.

Итак, я могла записать на свой счет один хороший поступок – спасение жизни Мари, точнее, это сделала моя забывчивость, лекарство осталось в сумочке. Дай бог, чтобы это не изменило ход истории! Хотя как знать...

После выздоровления мы с Мари продолжали хранить тайну о волшебных бобах. Я строго-настрого запретила девочке пить холодную воду и носиться по дому, иначе Фея рассердится и не принесет чудодейственного лекарства. Так оно и есть. В этом мире не существует антибиотиков.

Время потекло дальше, и более ничего стоящего внимания не происходило.

Глава 8

Мезальянс?

Я каждый день подолгу гуляла с миссис Альварес по парку. Внимательно оглядывалась по сторонам в надежде найти поворот на ту лесную тропу, где растет цветущий (о чем я? конечно, уже давно отцветший) куст дикого боярышника. Но все тщетно: вблизи поместья не было соснового леса, а те сосны, что я видела из окна спальни, росли слишком далеко – пешком или верхом на старушке Марте я боялась отправиться туда одна.

Во время прогулок моя верная спутница Фрида быстро уставала, и нам приходилось присаживаться на скамейки, чтобы пожилая женщина перевела дух. Мы вынуждены были не слишком отдаляться от дома и гулять по ближайшим аллеям.

Парк в это время года был сказочно красив. Каждый раз, погружаясь в заросли его тенистых аллей, я думала: «Какое же счастье жить в земном Эдеме!» Когда Фрида не могла составить мне компанию, я позволяла себе прогулки в одиночестве, но опять-таки лишь вблизи поместья. Боялась удалиться от дома и заблудиться в тисовом лабиринте. Торнбери служил единственным убежищем в то смутное время.

Сидя на притаившихся в зарослях плюща скамейках, я

представляла себя не случайной лазутчицей из будущего, а знатной дамой, имеющей возможность наслаждаться богатством и всеобщим уважением. Я ловила себя на мысли, что чувствую себя в прошлом как дома. Сумасшедший ритм, что диктовал двадцать первый век, безвозвратно канул в Лету. Я радовалась царящей вокруг красоте. И если бы не отчаянная тоска по ребенку, то, каюсь, уже не решилась бы оставить этот чудесный, пронизанный птичьими трелями парк, благоухающий розами сад, дом, который не пугал размерами, а восхищал величием и покоем. Я благоговела перед гением зодчего, создавшего одно из лучших классических творений. Торнбери отвечал мне взаимностью. Чувствовал мое восхищение и любовь, поэтому не пугал ни треском половиц по ночам, ни скрипом дверей, ни завыванием сквозняков. Дом принял меня.

Посещение богатейшей библиотеки, собранной несколькими поколениями семьи, и продолжительные беседы с кормилицей хозяина не давали моему разуму уснуть. Фрида Альварес была образованной дамой, что удивительно для начала позапрошлого века. Женщины обходились лишь необходимыми знаниями по кулинарии, домоводству, шитью или живописи. Редко кто умел достойно музицировать или говорить на иностранных языках. Фрида же не только преуспела в «женских» дисциплинах», но и обладала необходимыми знаниями в области математики, физики и химии. Она так

же отменно знала историю, начиная от древних до нынешних времен, и свободно изъяснялась на французском. Мне доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие общаться с ней. Контроль над ответами выработался к тому времени на подсознательном уровне и не утомлял.

И все же несколько раз я позволила себе в рассуждениях заглянуть далеко вперед, но Фрида не подала виду и не стала задавать вопросов. Она удивлялась моей образованности, но ни словом, ни жестом не выдавала себя, терпеливо ожидая, когда ко мне вернется память и я поясню, отчего верю в будущее человечества в окружении механических монстров, а не в удалении к природе.

Порой на Фриду накатывала ностальгия, и она начинала вспоминать маленького Фитцджеральда, его проказы, его слезы и обиды, его детские болезни. Я восхищалась этой женщиной, через всю жизнь пронесшую любовь к своему воспитаннику, к приемному сыну, и была уверена, что любовь эта взаимна.

Иногда она говорила о помолвке сэра Фитцджеральда с леди Анной Мортон, и тогда выражение ее лица менялось – я не понимала почему, но избранница сына была ей явно не по душе.

– Безусловно, она хорошая девушка, – твердила, будто стараясь убедить сама себя, Фрида. – Она скромна, хорошо воспитана, происходит из очень достойной семьи. Соединить два рода и два дома было давним решением господ Кол-

линз и Мортон. Будущее детей решилось, когда они были еще совсем маленькими и не догадывались о замыслах родителей. Но, мисс Элен, мой Фитцли – он живой, он веселый, он вечно ищет приключения и любит быть героем, защитником слабых и несправедливо обиженных, он благороден, как истинный рыцарь, он идеальный! Кабальеро! А мисс Анна – не поверите – в ней нет жизни. Да, она красива, подобно фарфоровой статуэтке, она не менее благородна и, полагаю, по-своему любит моего мальчика, но между ними не горит огонь, нет страсти. А мне ли, испанке, не знать, что такое вспыхивающая искра между мужчиной и женщиной?! Они проживут долгую спокойную жизнь, но будет ли она счастливой?

«Огонь и лед. Что я могла ей ответить? Что и через две сотни лет я буду полностью с ней согласна и поддержу ее точку зрения! Что без пламени, согревающего человеческие души, ничто не вечно!»

Мне все сильнее хотелось посмотреть на избранницу хозяина и составить собственное мнение о ней. А если получится, то и понять – какие чувства связывают будущих молодоженов.

Настоящую любовь увидеть, пощупать, даже на подсознательном уровне, легко. Я ощущаю нарастающее в груди тепло, губы растягиваются в глупую улыбку. Неважно, при виде молодой пары, воркующей друг с другом словно голубки, или при виде убеленных сединами старичков, молча взяв-

шихся за руки. В этот момент я стараюсь отвернуться, чтобы не мешать им, не разрушить очарования.

Время шло, и моему невольному желанию познакомиться с леди Анной суждено было сбыться. Оскар Уайльд оказался прав, сказав: «Будьте осторожны со своими желаниями, они имеют привычку исполняться...»

Только он забыл дополнить фразу – «исполняться неожиданно».

Вот в чем фокус!

Через несколько дней после откровения Фриды я заметила изменение в поведении слуг. Они стали суетливы, взволнованны, беспокойно переговаривались друг с другом, метались по углам. С утра до вечера они тщательно убирали каждый сантиметр дома. В воздухе повисло напряжение и неясное ожидание какого-то события. Тайну открыла, как обычно, Розалинда, пришедшая поболтать после завтрака:

– Мы готовимся принять новую наемную прислугу, мисс, а также слуг хозяина из лондонского дома, потому что позавчера утром пришло известие о его возвращении, и не одного, а с целой компанией гостей, в числе которых будет его невеста – Холодная Луна, леди Мортон. Сами ее увидите!

Сначала я почувствовала огромную радость, что увижу хозяина поместья. После рассказов Фриды я была готова взглянуть на сэра Фитцджеральда совершенно другими глазами. Его молчаливость и замкнутость, которые я принимала

за надменность и холодность, более не отпугивали. Он был зеркалом Фриды – женщины, посвятившей ему всю свою жизнь; он отражал ее черты характера, которые мне так же поначалу казались неприветливыми и невежливыми, что на самом деле было только защитной оболочкой для тонкой и ранимой души.

Но постепенно радость от ожидания встречи сменилась грустью. С ним прибывает его будущая жена! Желание познакомиться с леди Анной поближе сбывается на глазах! То, что она приедет, было несомненно – слуги только и говорили, что хозяин дал распоряжение подготовить все свободные комнаты для приема гостей. Он устраивает пышный бал в честь своей избранницы, в связи с чем разослал приглашение ближайшим соседям и родственникам семьи Мортон. Я предвкушала интереснейшее зрелище. Присутствовать на балах мне не приходилось. Читать о них в книгах или видеть на киноэкране – одно, а почувствовать вживую – настоящая удача! Пожалуй, не стоило в этот момент вспоминать о выпускном вечере. Спустя пару сотен лет изысканное светское мероприятие превратится в смешное подобие, в фарс.

Я с нетерпением ждала будущих событий, готовых внести разнообразие в скучную сельскую жизнь, но никак не предполагала, что они начнут развиваться столь стремительно и неожиданно для меня.

Седьмое июля. Казалось, что все вокруг окончательно со-

шли с ума, готовясь к завтрашнему приезду хозяина и его почетных гостей. Я боялась выйти из комнаты, чтобы не сбить какую-нибудь шуструю горничную, несущуюся по коридору с ворохом свежего постельного белья. Почти все закрытые покои огромного дома были приведены в боевую готовность. Чтобы никому не мешать, я собралась на прогулку в парк, как в комнату постучалась Фрида:

– Мисс Хелена, – она иногда звала меня на испанский манер, с ударением на последнем слоге, – не желаете ли немного пройтись по аллеям? Мы лишние в этом суетном месте, нам должно на время удалиться.

Я с радостью согласилась.

Мы покинули дом и вышли в парк. Я чувствовала, что миссис Фрида чем-то подавлена и не решается начать разговор. Когда взаимное молчание стало невыносимым, я осмелилась заговорить первой, была уверена: экономка намеренно вызвала меня на прогулку, чтобы о чем-то поведать, но ей не хватает смелости.

– Дорогая миссис Фрида, — улыбнулась я, – вас что-то тревожит, прошу, откройтесь, я выслушаю вас с большим вниманием. Что-то произошло, чего я не знаю?

– Нет, ничего не случилось, все в полном порядке, и я жду не дождусь завтрашнего дня, чтобы увидеть моего мальчика. Но вот здесь, – Фрида прижала руку к груди, – вот здесь, мисс, у меня поселилась тревога, предчувствие надвигающейся беды, откуда она – не пойму. Что может угрожать

моему сыну? Я не нахожу ответа, сколько бы ни искала. Возможно, меня тревожит его выбор... Уже долгое время не могу найти себе места и ответить на вопрос: был ли он правильным?

– Дорогая Фрида, не надо так переживать, вы воспитали его, именно вы научили его быть добрым и справедливым, лучшим. Он мог сделать только правильный выбор, доверьтесь ему, и все будет хорошо! А если даже хозяин передумает, разве он не вправе изменить свое решение и отменить помолвку?

Фрида остановилась. Ее темные глаза вспыхнули недобрым пламенем.

– Безусловно, сэр Фитцджеральд свободен в своем выборе. Но позор, что будет навлечен на семью Мортон в случае отказа, не позволит моему сыну так поступить. Поэтому своим благородством он загоняет сам себя в ловушку и вынужден будет жениться на леди Анне... Тем более он готовился к этому шагу с раннего детства.

Я перестала понимать Фриду:

– Тогда что вас беспокоит, если это решение принято очень давно и нет смысла что-либо менять?

Миссис Альварес выглядела совершенно растерянной.

– Не знаю, мисс, не знаю, возможно, пришла моя старость, я начинаю волноваться из-за пустяков. Пугает будущее, я не вижу света впереди, одна тьма надвигается на нас.

Мне стало не по себе. Неужели Фрида предчувствует бе-

ду?

Странно, моя интуиция молчала, я лишь с нетерпением ждала завтрашнего дня, когда вновь увижу сэра Фитцджеральда.

Необходимо успокоить напрасно волнующуюся женщину. Причина очевидна: все ее страхи возникли из-за преклонного возраста и накопившейся за последние дни усталости. Большинство забот по подготовке поместья к приезду гостей легло на ее хрупкие плечи.

– Все будет хорошо, дорогая миссис Фрида, мы должны в это верить. Я прочла в одной книге – сейчас не могу вспомнить ее названия, но смысл в том, что мы сами своими мыслями создаем будущее, планируем его, и все зависит от того, что в нас преобладает – страх или надежда на лучшее. Поэтому давайте думать о хорошем, и будущее наше станет светлым и радостным.

Пожилая женщина с благодарностью улыбнулась:

– Хелена, я всегда говорила, что восхищаюсь вашими разумными речами, и, позвольте сказать без обиняков, я не встречала более интересного собеседника. Благодарю судьбу, что она свела нас.

Слова Фриды глубоко тронули меня.

– Взаимно, дорогая моему сердцу миссис, каждый день благодарю Провидение, что подарило нам встречу. Я не забуду вас, когда...

«Когда вернусь», – почти сорвалось с моих губ.

– Когда вернется ваша память? – закончила за меня экономка.

– И даже тогда!

Я подошла к маленькой женщине и обняла ее. Смущенная настолько искренним проявлением чувств, она не спешила разорвать объятия.

Чтобы сменить тревожную тему я рассказала, как Розалинда этим утром каталась на свинке Мегги, до того, как беднягу поведут на убой. Мегги в первый и в последний раз своей короткой поросячьей жизни исполнила трюк, присущий лишь необъезженным скакунам. Она встала на задние копытца и сбросила не ожидающую подвоха Розы прямоком в лужу. Исполнив изящный трюк, хрюша отправилась на встречу с мясником.

Глава 9

Бал. Занятный эксперимент

Утро 8 июля было солнечным и многообещающим.

Позавтракав в комнате, я надела легкое платье из нежного желтого сатина, подвязала волосы, прополоскала рот, пощипала щеки, придав им легкий румянец. Придирчиво оценила себя со стороны. Сойдет!

Должна признаться, что я с большим удовольствием носила старинные платья, о небольшом количестве которых позаботилась Фрида. Их изящный и незамысловатый фасон кра-

сиво подчеркивал грудь и скрашивал недостатки фигуры.

Приведя себя в относительный порядок, я спустилась на кухню.

В воздухе висела еще бо́льшая напряженность, чем все дни накануне. Слуги боялись громко говорить, были крайне взволнованы и уже готовы к приезду хозяина – опрятно одеты, аккуратно причесаны, припудрены и напояжены. В холле сновали приглашенные лакеи в завитых париках и лавандовых камзолах. Кто натирал воском пол, кто расставлял вазоны со свежесрезанными полевыми цветами. Белоснежные чепчики и передники мелькающих перед глазами служанок заставляли жмуриться и искать путь к спасению. Надвигался торжественный момент. От всеобщего возбуждения, буквально искрящегося в воздухе, стало не по себе. Не осознавая до конца всей важности грядущего события, собираясь играть в пьесе незначительную роль зрителя, я поспешила покинуть парадные залы.

Господ ждали к обеду. Чтобы занять время, я прошла в оранжерею. Полив орхидей миссис Фриды, которую я с утра еще не видела (скорее всего, экономка отдавала последние распоряжения по приготовлению бальной залы и пока не спускалась), немного отвлек меня от всеобщего помешательства и помог привести мысли в порядок.

Почему я переживаю? Чего опасюсь? Того, что мистер Коллинз едет с незнакомыми людьми? Мне нет до них дела. Меня беспокоил только один человек, способный серьезно

повлиять на мою жизнь здесь. Он сам. И если я была уверена в благородстве и покровительстве сэра Фитцджеральда, то еще неизвестно, как его невеста, леди Анна, отнесется ко мне. По всему выходило, что я обязана завоевать ее расположение. Эта мысль претила, казалась отвратительной. К сожалению, в течение жизни я обнаружила в своем характере неудобную черту – с трудом сдерживаю эмоции перед людьми недалекими. Если леди Анна окажется корыстной или глупой, жизнь в поместье изменится в худшую сторону, пресмыкаться перед самовлюбленной куклой я буду не в силах. Значит, остается надеяться на обратное!

Все, прочь глупые мысли! Мы сами приносим в свою жизнь проблемы, а решив их, кажемся себе героями. Не проще ли позволить событиям развиваться независимо от наших пессимистичных прогнозов?

Чтобы отвлечься от попыток придумать будущее, я прошла в соседний зал библиотеки. Устроилась удобнее в любимом кресле и открыла томик сонетов Шекспира, но мысли снова и снова возвращались к невесте хозяина. Рисовался ее образ, сотканный по рассказам Розалинды и Фриды. Продумывался наш первый разговор, строились правильные фразы. О, человеческая глупость! Разумеется, я не могла просчитать все грядущие события заранее. Жизнь легко переигрывает их по-своему, используя бесчисленное число вероятностей.

В коридоре слышались нарастающие шум и крики: «Едут!»

Ну, вот и все...

Я выбежала из библиотеки и, буквально взлетев по лестнице на второй этаж, открыла дверь на балкон, располагающийся как раз над парадным входом.

Все происходящее было видно как на ладони.

Внизу уже стояли две крытые повозки. Несколько всадников, спешившись, направились к ним. Сердце радостно затрепетало в груди: в одном из всадников я сразу узнала сэра Фитцджеральда, одетого в темный, идеально подогнанный по фигуре сюртук для верховой езды. Высокие сапоги до колен были покрыты дорожной пылью. Он похлопал себя по фалдам пиджака, небрежно скользнул рукой по бедрам, отряхиваясь. Поправил бежевый шейный платок, удачно оттеняющий смуглое лицо, и распахнул дверь одной из карет.

Я затаила дыхание: «Как он красив!»

Неожиданная боль кольнула в самое сердце.

Хозяин дома галантно протянул руку неизвестной даме, и я подалась вперед, чтобы лучше разглядеть ее.

Да, черт побери, она была прекрасна, грациозна и легка. Небесное создание, ангел, спустившийся на нашу грешную землю. Какими словами я еще могла описать леди Анну? Маленькая стройная блондинка, похожая на хрупкую фарфоровую статуэтку, белая кость, истинная аристократка! Таких неземных красавиц я видела на старинных гравюрах, та-

кими воздушными силуэтами любовалась в витражах антикварных салонов. Пепельно-русые волосы мисс Анны были скрыты под изящной шляпкой из бежевого фетра, пронзенной страусиным пером; лишь пара выбившихся локонов трепетала под порывом ласкового летнего ветерка. Абрикосового цвета платье идеально облегло почти детскую фигурку.

Я обреченно вздохнула:

«Красотки, подобные леди Анне, способны свести с ума любого мужчину, в особенности такого сильного и решительного, как мистер Коллинз. Он точно без ума от нее. Девушка похитила его сердце, ибо обладает прирожденным даром казаться слабой и беззащитной. Трогательной, хрупкой. Ах, чего стоят ее неуверенные движения! Ее робкие жесты! Потупленный взор, вовремя вспыхнувший румянец. Даже я в восторге, а избранник наверняка чувствует себя настоящим джентльменом. Что еще нужно благородному господину? Интересно узнать, какая она на самом деле и что кроется под ангельским обличем».

Леди Анна, грациозно возложив руку на локоть сэра Фитцджеральда, скрылась с глаз в парадном.

Я с огромным интересом наблюдала дальнейшее действо. А оно стоило того, чтобы смотреть внимательно.

Около второй кареты накалялись страсти. Лакей замешкался, и пожилая дама, спустившая одну ногу на приступок, иступленно обмахивалась веером, ожидая помощи. Когда нерасторопный слуга подбежал и подал руку, она demonstra-

тивно ее оттолкнула и, держась за поручни, неуклюже спустилась сама. Одутловатое лицо мадам, покрывшееся гипертоническими пятнами, выражало крайнее неудовольствие и презрение.

Небольшого роста, обрюзгшая, она удачно скрывала недостатки фигуры под плотным дорожным костюмом пурпурного цвета.

Смелый ход! Пурпур визуально старит, но ситуацию скрашивал алый чепец, перехваченный под шеей атласным бантом того же провокационного цвета.

«Дама не чурается рискованных экспериментов. Занятно...»

Пурпурная гостя была недовольна всем и вся. Лицо с остатками былой красоты надменно кривилось. Нерасторопность зазевавшегося лакея оказалась последней каплей, переполнившей чашу ее долготерпения. Слуги, подобострастно кланяясь, распахнули перед госпожой двери парадного входа. Все бесполезно. Не удостоив тех взглядом, гордячка поступью царицы прошествовала в холл.

«Полагаю, мы наблюдали выход мамы невесты. Ангел и демон! Идеальное сочетание. Если не сказать катастрофическое!»

Я уже предвкушала дальнейшую комедию человеческого тщеславия и радовалась, что мне уготована роль зрителя.

Если бы так!

«Пора идти в комнату и поменять платье. Розалинда уже несколько раз заглядывала и просила поторопиться. Что еще могут означать ее страшные гримасы из-за балконной двери?»

— Мисс, умоляю, поспешите! У меня безумное количество дел! Миссис Фрида наказала мне прислуживать прибывшим господам Мортон! Помолитесь за меня!

— Увы, бедная Роза, ты попала на растерзание настоящей горгулье!

— Вам бы только шутить, мисс!

Я не догадывалась, что на этот вечер приготовила для меня экономка, полностью распоряжавшаяся моим гардеробом.

Лежащее на кровати платье по изяществу и красоте превзошло все ожидания. Нежнейший струящийся шелк цвета молочного шоколада, украшенный под грудью изысканной вышивкой с вплетением розового речного жемчуга. Завершали туалет почти воздушная кружевная накидка на плечи и длинные перчатки из атласа. У меня еще никогда в жизни не было такого изящного, такого женственного платья. Я затаила дыхание, точнее, я вообще не дышала, не веря в происходящее, пока Роза помогала одеться и затягивала на спине узкий корсет, боясь неловким движением повредить драгоценную вышивку. Из зеркала на меня взглянула удивленная незнакомка, не имевшая ничего общего с прежней Еленой

Соколовой.

«До фарфорового идеала как до звезды, но тем не менее и я... почти королева! Интересно, что же будет дальше?»

Страшнее всего было войти в зал, полный гостей, где уже звучала музыка и слышался веселый смех. Главное, появиться незаметно. Тихо проскользнуть в угол, затаиться и уже из укромного местечка наблюдать за собравшимися гостями и происходящим.

Такую задачу я наметила для себя, пока с еле сдерживаемым трепетом подходила к бальному залу. Лавандовые лакеи, игнорируя мое замешательство, с поклоном открыли тяжелые двери. Громкие звуки скрипок и клавесина оглушили, ослепительный свет заставил на мгновение зажмуриться. Осторожно взглянув по сторонам и увидев лишь несколько повернутых в мою сторону незнакомых лиц, я вежливо им улыбнулась и, не поднимая головы, пробралась в дальний угол. Там за полуопущенной портьерой прятался маленький столик. Слава богу, стулья вокруг него были еще свободны. Расправила юбку, присела, убрала с лица непослушный выбившийся локон, медленно досчитала до десяти и только тогда посмела поднять глаза.

Ничего страшного не случилось. Все были заняты собой и не обращали на меня ровно никакого внимания. Я безуспешно искала глазами Фриду. Экономки не было. В зале собралось невероятное количество незнакомых пышно разде-

тых дам и господ. Придя в себя и отдышавшись, я принялась внимательно их разглядывать.

Люди стояли маленькими группками, переговариваясь друг с другом. В противоположном, дальнем углу зала, за портьерами, находились несколько столов, за которыми собралась преимущественно мужчины; они играли на четверых в кадриль и вист. Лакеи лавировали между приглашенными с подносами, уставленными бокалами шампанского и маленькими стаканчиками с пуншем.

О, как наигранно любезны лица гостей! Все улыбались и, оглядывая богато украшенный, ярко освещенный свечами зал, восторгались пышностью бала. До меня долетали только обрывки фраз, смысл которых сводился к одному: «Какая честь быть гостями в Торнбери, сэр Фитцджеральд настолько любезен, что, будучи в Лондоне, лично навестил нас и передал приглашение. Мы в полном восторге... Летние балы в соседних поместьях не отличаются подобным великолепием... Коллинз чертовски расточителен...»

Дамы, собравшись в отдельный кружок, исступленно обмахивались страусиными перьями, соглашались, выражая крайнее восхищение происходящим.

«Цирк. Интересно, кто-нибудь из них говорит правду?»

Стоявшая недалеко от меня в компании высокого сутулого господина особа средних лет, перестав дирижировать веером, прикрыла им карминовый рот и резюмировала:

– Да, он такой душка, такой милый и любезный молодой

человек! Богат, как Крез²... Вы слышали, на август назначена его свадьба с леди Мортон? – В то же мгновение я обратилась в слух. Так вот... Скажу вам, сэр Томас, этой молодой леди необычайно повезло!

«Интересно...»

В разговор вступил сутулый господин. Заговорщически прикрывая рот кружевным платком, он поддакнул:

– Необычайно! И я слышал из доверенных, абсолютно достоверных источников, которые, увы, не могу назвать, сэр Фердинанд Мортон, отец Анны, уже заложил поместье Уилл Лодж, но тсс!.. Это должно остаться между нами, дорогая Луиза.

– Неслыханный мезальянс! – зашипела подоспевшая высохшая дама, похожая на вареную креветку. Облегающий коралловый лиф, узкий и откровенно декольтированный, смотрелся вызывающе для ее преклонного возраста.

– Тише, тише, господа, нас могут услышать, – предостерегающе прошепел долговязый.

Сплетники многозначительно закивали и замолчали.

Итак, загадка разгадана. Намерения леди Анны более-менее ясны. Семья стоит на грани разорения – брак с сэром Фитцджеральдом им необходим как воздух.

Все предсказуемо. История погони за богатым принцем

² Крез (Croesus, Κροῖσος) – царь Лидии, известный своим несметным богатством. Царствовал в 560—546 гг. до Р.Х.

стара как мир.

Посмотрим, как будут развиваться события дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.